Е.Б.ЗИНИН

ЗАПИСКИ КОСТРОВОГО

На любовь своё сердце настрою

Булат ОКУДЖАВА

Читающие книгу эту, знайте:
с бесстрастием читая, всё поймёте,
себя напрасно в краску не вгоняйте,
заразы злостной здесь Вы не найдёте,
и совершенства в ней не ожидайте,
особого...

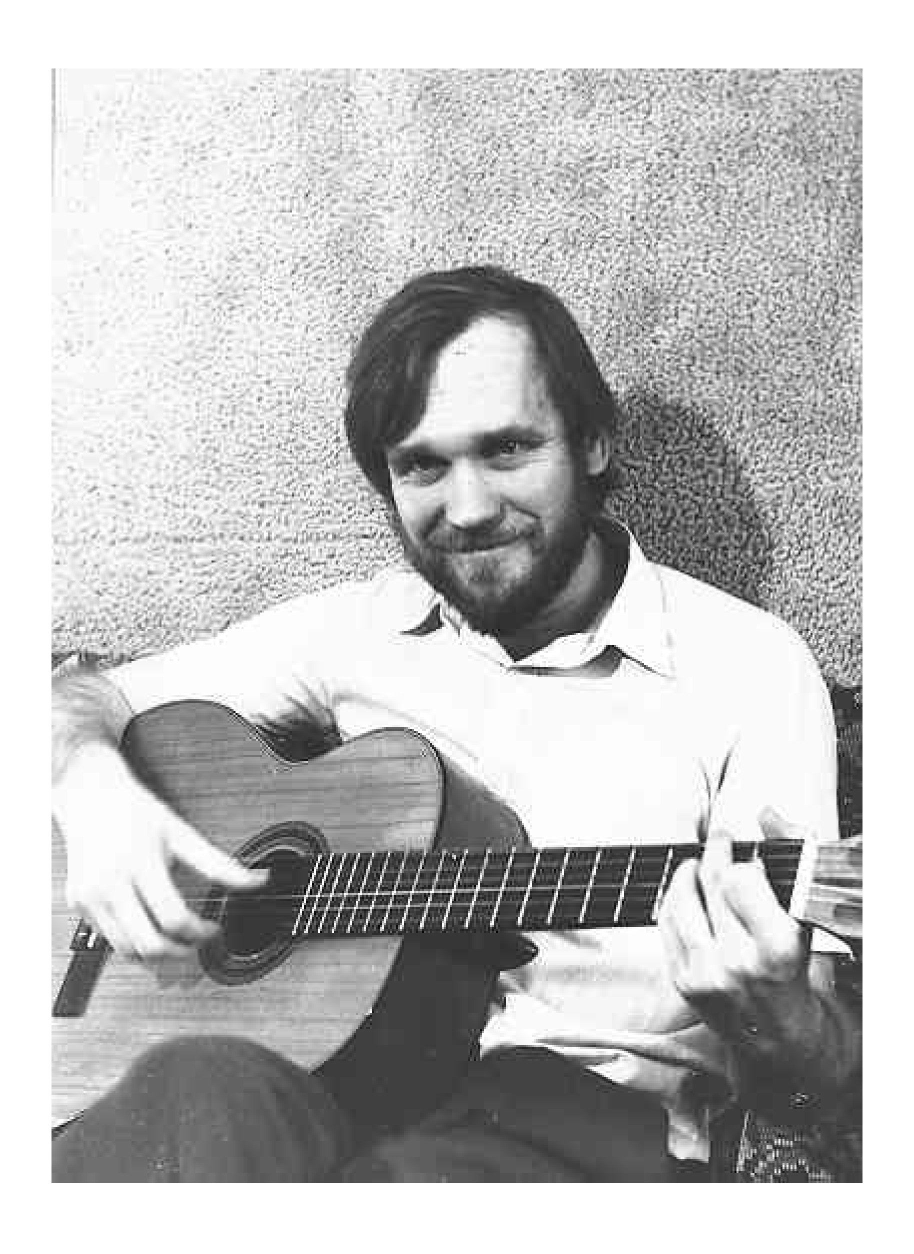
Франсуа РАБЛЕ
перевод, между прочим, Николая Заболоцкого

Зинин! Читал твою книгу.
По-моему – полное говно!

Э.Ю.Я.

г. Усть-Каменогорск

версия 2010-2011

Автор выражает благодарность всем, без чьей помощи эта Книга никогда не увидела бы свет.

Особая благодарность моей Тане за долголетнее терпение и постоянный источник вдохновения.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Никто никогда не читает предисловий. Да я и сам никогда этого не делаю. А если читаю, то только если книга заинтересовала.
Просто в каждом человеке есть свой огонёк, у кого-то поярче, у кого-то потеплее. А, как известно, бревно в одиночестве не горит. Так же и люди: им, почему-то, *нужно* вместе. Эти записки о тех, кто был с нами, о тех, кто помогал собирать костёр "Зелёной кареты", бегая за дровишками по мокрому сырому лесу, о тех, кто горел, согревая своим теплом, и о тех, кто разнёс искры этого костра дальше.

Возможно где-то, в каком-нибудь Семизапузинске, Крыжополе или Мухосранске и сейчас тлеет ли, догорает ли, а может и наоборот – разгорается чей-то новый костёр, согревая кого-то, кого мы никогда даже и не узнаем.

Апрельская вставка 1995 года

Итак, Читатель, перед тобой тяжкой труд, задуманный и воплощённый в муках и написанный на едином дыхании. В нём рассказ о 15 + … (как получится) годах жизни одного из многочисленных КСП нашей некогда необъятной державы. Сегодня её уже нет, как нет много из того, что было с ней связано. Для нас, к примеру, – я говорю только об одной, маленькой детали – это выразилось в отсутствии ВСЯКОЙ информации о России. В киосках нет российских газет. Подписка на них приближается к месячной зарплате. Вздорожали почтовые услуги, перестали приходить письма. Съездить на свою *историческую родину* не на что, да и не просто. Здесь, в Казахстане, мы просто задыхаемся от отсутствия книг, газет, журналов. Видимо, поэтому и появилось у меня немного времени для написания этих заметок. Рассказ задуман к 15-мую юбилею Клуба. Но уже в процессе написания Автору стало ясно, что он выходит за рамки одного отдельно взятого КСП, а буден интересен и более широкому кругу читателей, нежели это представлялось Автору ранее.

А с другой стороны, Автор уже сегодня видит, сколь не совершенно его Творение. Оправдывает (частично) Автора лишь только то обстоятельство, что с этой писаниной – включая набор, распечатку, вычитку ошибок, правку, поиск издателя, печать, сборку, обрезку и т.д. и т.п. нужно было успеть в рекордно короткие сроки. Дело в том, что один из спонсоров, пообещавший деньги на книжку, сам того не ведая, задал темп работы. Но тот же спонсор ограничил Автора и объёмом: он оплачивал только 200 страниц Книги. Как говорится, и за это ему спасибо, если бы он ещё и не вмешивался в так называемый литературный процесс. Целые главы, абзацы, удачные на взгляд Автора фразы и прочая, прочая не увидели свет из-за цензуры. Но в ЭТОМ труде, в его электронном воплощении цензор больше не довлеет над нами, и

слава Богу, думать мы свободны,
когда угодно и о чём угодно!..

Короче – ниже Автор представляет частично восстановленный труд. Но и он ещё далёк от совершенства. Умный Читатель это почувствует.

Вставка 1997 года

И ещё. Так уж вышло, да простит меня Читатель, что Книга эта обладает удивительным свойством. Свойством, как бы поточнее выразиться, возвращения сюжетов. Несмотря на смехотворно малый тираж, она всё-таки разошлась довольно широко, и люди, прочитав её, находят Автора и рассказывают, что было дальше с тем или иным персонажем, как развивалась в дальнейшем та или иная сюжетная линия, а то и вовсе сообщали порой некоторые факты, порой презабавные, позволяющие посмотреть на то или иное событие совершенно с неожиданной стороны. Поэтому Автор вынужден включить в данную публикацию пару-тройку саг, эссе и отступлений.

1997 г.

Но сначала – интервью 2009 года.

0. НЕ БОЙСЯ ДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ. Декабрь, 2009 г.

Вета НОЖКИНА
www.akbard.kz
www.nozhkina.ru

В канун Нового года мы дарим друг другу хорошие пожелания на грядущее. Пожелание от **«Острова песни»** всем читателям **«Ветра странствий»** хочется выразить фразой заголовка «Не бойся делать невозможное!». Только так можно покорять вершины, совершенствовать себя, быть надёжным для других, и раскрывать свои таланты.

Сегодня моё повествование об усть-каменогорском клубе авторской песни «Зелёная карета» и её бессменном президенте Евгении Борисовиче Зинине. Буквально через месяц клубу исполнится **тридцать лет**. За прожитым всегда стоит много, но прежде всего это люди, которые образовали круг, сообщество, и они могут дарить друг другу своё свободное время, потому что поле интересов их совпадает. Они не боялись делать невозможное.

По официальным данным, 16 января 1980 года собрались семеро смелых и решили организовать клуб самодеятельной песни – ими движило только одно: сделать свою жизнь наполненной, интересной. Предполагали ли они, что будет стоять за этими тремя буквами аббревиатуры – КСП? С этим вопросом я обратилась к Евгению Зинину:

Женя, расскажи, где ты подцепил бациллу авторской песни?

Наверное, в 1970 году, в 8 классе, в походе по Тургусуну. Только я тогда не знал, что она авторская. Просто я слушал песни под гитару у ночного костра. Это был «Красный командир», «Я люблю» и «Протекала речка, а над речкой мостик, там жила овечка и так далее» в исполнении инструктора по туризму из «Алтайской бухты», имени которого я не запомнил. Потом, в 9 классе, была практикантка с «Атлантами» Александра Городницкого, и уже на первом курсе руководитель оперотряда Московского института стали и сплавов Володя Товпинец – с песней про грустного кондитера. Но окончательно меня добили в семьдесят шестом: Таня Янкевич и Люда Степанова познакомили с «Апельсинами» – московским «кустом» самодеятельной песни. С ними я был два года, научился брать несколько аккордов, поучаствовал в нескольких фестах и записал около двух сотен песен в несколько блокнотов, которые и привёз в Усть-Каменогорск. Два с половиной года искал единомышленников и нашёл их в мае семьдесят девятого среди туристов клуба «Алтай» и творческой интеллигенции города. Что было дальше, подробно описано в книжке «Записки кострового», более известной по другому названию, взятому напрокат (да так и оставшемуся навеки) у песни Ольги Качановой «Мои поющие друзья», и в моей аудиоверсии «История АП в Казахстане. Взгляд с Востока», которая размещена на сайте www.akbard.kz.

Загадывал ли ты наперед, что произойдет через 10, 20, 30, 40 лет?

Да нет, конечно! Раз уж в обществе в конце 70-х – начале 80-х отсутствовала среда, социальная прослойка, в которой могла существовать и развиваться авторская песня, то нужно было создавать её самим. Вот этим мы и занимались. Но это я сейчас такой умный и могу так красиво сказать, а тогда мы просто делали своё дело и были счастливы. И никто, кроме нас этого сделать не смог. «Мне услышанным быть хотелось» – вот как вкратце суть того периода выразил Леонид Семаков.

А много ли встречалось на пути маршрута «ЗК» единомышленников?
Ведь это все равно остается увлечением, у каждого члена клуба своя специальность, работа...

Журнала не хватит, а немного – не получится. Каждый из них внёс что-то своё, каждый был чем-то полезен. Люба и Костя Серафимовы научили, что объединить может большое совместное дело, и мы всем клубом отправились покорять пещеры; Света Тюменцева и Оля Туткушпаева – любить классику авторской песни, и мы стали приглашать в город известных авторов; Игорь Иванченко и Лена Воробьёва прививали актёрское мастерство, и мы подружились с театром, появились совместные проекты с профессионалами; Боря Аникин и Лена Кочнева с должным пиететом относились к текстам; Валька Володин и Лена Воронкова – к музыке песен; Валера Чечин и Олег Шимуда – к исполненю; Серёжа Староверов и Валера Голых – к аранжировке. Ира Орищенко – это центр событий, связь с другими городами, Света Волкова – не боялась экспериментировать, создавать новые формы, при ней у клуба появились спонсоры, Люся и Саша Левитанусы – это практическая помощь и всему клубу и каждому в отдельности: кому –рабочее место в фирме, кому – реклама в СМИ, а кому – и средства на лечение, и при всём этом еще и два своих диска записали. Юра Эберле, Витя Красиков, Валера Кокшенёв, Игорь Лукьянов, Серёжа Батуев, Толя Рожков, Сергей Пономарёв – без этих людей невозможно себе представить жизнь клуба. Каждый из них – личность, каждый отдал клубу кусочек своей души, и я благодарен каждому из них. И в первую очередь Тане – своей спутнице по жизни. Тридцать лет терпеть всё это безобразие – настоящий геройский подвиг. Но, думаю, в день празднования юбилея я соберу друзей, сам буду в чёрно-белом, а в тёмно-красном будет моя Таня, и «склоню перед нею главу».

Я очень дорожу книгой, выпущенной тобой, по-моему, к пятнадцатилетию клуба. Будет ли продолжение?

Это процесс непрерывный. Книга эта живёт по своим законам. Постоянно дописывается, дополняется. Порой всплывают новые факты, подробности, нередко переворачивающие сюжет с головы на ноги. Например, новелла «Я хочу, чтобы вы пели мои стихи» – о поэте Саше Романове. После опубликования книжки люди, близко знавшие поэта, нашли меня и рассказали совершенно невероятные, почти мистические подробности. В результате глава из трёх страничек превратилась в самостоятельную книжку и сейчас готовится к публикации в одном их местных изданий.

Кроме того, возникло желание поднять и прокомментировать архив публикаций из СМИ о клубе. Перечитываю отдельные журналистские перлы вроде «в общежитии прошёл вечер студенческой песни «Звонкие струны гитар» и вспоминается совершенно иная история, нежели та, что описана в газете. Не худо было бы собрать антологию авторской песни региона. Кроме меня этого сделать некому. Ну и совсем бредятина – «Какавторские байки» – небольшие, не более страницы, короткие смешные случаи из жизни АП, клуба. Название, кстати, связано с Ириной Орищенко. На одном из фестов она выдала перл: – Сейчас я выступала как композитор, а сейчас выступлю КАКАВТОР. И пошло, поехало: «Клуб *какавторской* песни», «*Какавторское* право». Предлагали даже основать Союз *какавторов*. Долой рифмоплётов! Даёшь каждому *какавтору* по продольной рифме! Даешь гимн *какавторов*! Написали даже Устав *какавторов.*

…Вот что-то такое и будет в этих байках.

Попытки создания подобных клубов, на мой взгляд, пока не блещут результатами. Может, тебе известен секрет, который ты можешь открыть нашим читателям?

Ничего подобного! На территории СНГ их сотни! Или речь идёт об Усть-Каменогорске? И опять – в молоко! Есть клуб Ермека Тютенова (бард-рок), литературные клубы Любы Медведевой и Александра Егорова, философский – Коли Степанова, фотоклуб Светы Бирюковой (тем уже сороковник), с полдюжины туристических клубов, тому же «Алтаю» – полтинник отпраздновали, сейчас вот при рождении фан-клуба Diana Styles на концерт в «Юбилейном» полный зал собрали. «Субкультура» еженедельно концерты даёт, её фан-клуб уже три фильма полнометражных отснял, последний – с участием Лаэртского! А ещё фантэзи-клуб «Перекрёсток», телеклуб «Пою для друзей», Олег Ястребов со своей эстрадно-бардовской командой! Это Устькаман, Света! Здесь всё может быть! А секрет, наверное, всё-таки есть. Делай то, что нравится самому, и делай так, чтобы самому нравилось. И не бойся делать невозможное. Это не страшно. Страшно – не делать.

На мой взгляд, секрет кроется не только в организаторских способностях Евгения – пытливость его ума дала плоды познания. С самых первых дней клуба его интересовала жизнь уже созданных повсеместно по России объединений песни. Помнится, как в 90-х по его просьбе поступала информация о движении КСП из Санкт-Петербурга от Аллы и Марка Левитан. За дефицитом бумаги её печатали на старых перфокартах…Помнятся бесценные встречи в клубе, когда, используя магнитофон, проектор, виниловые пластинки, Женя готовил замечательные программы, насыщенные анализом, демонстрацией результатов и личными впечатлениями. Клуб часто выезжал в другие регионы. Вот, в архиве я нашла интересные фотографии: 1987 год – в Караганде, 1986 – в Барнауле, 2001-й – в Алматы, 2002 год – в Астане. На двадцатипятилетние клуба алматинцы сделали подарок «Зелёной карете» – музыкальный альбом «Песни разлетевшихся птиц», где перепели песни двадцати пяти авторов Усть-Каменогорска. Такое творческое сотрудничество становится уже не редкостью между клубами разных городов Казахстана, и это отличный показатель, исходящий из назначения жанра авторской песни. Ни должности, ни звания людей, вовлечённых в АП, тут ни при чём. Главное – человеческие качества, в списке которых на первом месте – порядочность и поддержка творческих поисков твоего сотоварища.

Фото из архива Евгения Зинина

http://www.veters.kz/2009-06/veta.html

ЧАСТЬ I

ДЕРЕВЦЕ НА ДУШЕ

Что за тьма была,
как ослепли все,
то-то времечко было жуткое.
Посадил я деревце на душе,
хрупкое...

Г.Жуков «Баллада о посаженном деревце»

1. РАРИТЕТ. 1979-1983

Привожу текст интересного документа, найденного не так давно в архиве «Зелёной кареты». Документ сей создан почти 12 лет тому назад, точнее - 29.06.83, и содержит массу подробностей и событий, повествующих о Первых Днях Клуба. При внимательном рассмотрении этого документа обнаружилось, что в текст этого РАРИТЕТА внесены твёрдой, не знающей жалости рукой, некоторые дополнения. Сей факт вопиёт о возмездии. Однако тут же выяснилось, что жёсткая рука корректора не коснулась Священного Текста, а лишь уточнила отдельные подробности, ускользнувшие от внимания автора. Эти подробности далее выделены курсивом. А более мелким шрифтом выделены примечания и кой-какие дополнения, дописанные уже в наши дни автором РАРИТЕТА. Документ сей приводится ниже с незначительными сокращениями, не искажающими общую канву повествования. Жаль, что Читатель не имеет возможности видеть его оригинал - великолепная обложка с замечательным рисунком, на котором летучая мышка обнимает гитару, и с трогательной надписью: «Дорогому КСП от областного спелеоклуба «Сумган».
Читатель! Скорей переворачивай страницу, ибо там, за поворотом..., там, там-та-рам, там-там, там.

Обложка раритета

ПЕРВОМУ ФЕСТИВАЛЮ АВТОРСКОЙ
ПЕСНИ В г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСКЕ

от областного клуба спелеологов «СУМГАН»

Под нажимом неравнодушной общественности в архивах клуба «Сумган» были произведены основательные раскопки, результатом коих явилась уникальная находка некоего документа, составленного и подписанного 29 июня 1983 года супружеской четой Таней и Женей Зиниными, достойными представителями президентской династии Клуба Самодеятельной Песни (КСП), известного массам под названием «Зелёная карета». В связи с тем, что записки сии были занесены на бумагу собственноручно Е.Зининым, потребовались определённые трудозатраты на перевод текста на печатный (не путать с «цензурным»!) русский язык. Мы взяли на себя так же смелость осветить некоторые подробности, связанные с началом деятельности КСП, затерявшиеся в лабиринтах времени. Далее дословно приводим текст оного документа.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КСП, написанная очевидцем

Вообще-то сейчас, по истечении 3-х лет со дня основания Клуба, становится всё больше и больше претендентов, которые видят себя сквозь этот пласт времени, стоящими у истоков его основания. Попробуем в этих записках передать все эти, зачастую противоречивые, версии рождения Клуба.

Согласно одной версии, где-то осенью был слёт туристов, после которого трое самодеятельных авторов выступили после основного (конкурсного) концерта и обозвали себя КСП. Они собрались у кого-то дома по случаю рождения у кого-то сына и стали разговаривать о том, что такое КСП и с чем его едят. Доподлинно известно, что одним из них был В.Красиков. Фамилии двух других стёрлись в архивах моей памяти, но она же, то есть память, подсказывает мне, что среди них был ещё П.Фетисов. Но ведь та же злодейка-память выносит на поверхность и такой факт, что это дело кончилось грандиозной пьянкой.

Далее события нарастают стремительно, как камнепад на 10 км в пос. Новая Согра (*сл. читать - Старая Согра, прим. переводчика*). А было вот что: все вдруг стали готовиться к зимнему (1980 г.) слёту туристов, и в плане подготовки к этому вечеру на квартире у Ю.Сидорова каждый божий вечер устраивались спевки. Были там Сидоровы, Капустян, Данченко, впоследствии на этой почве сменившая свою фамилию, Лужана, [Таня] Крылова, [Валентин] Сытник, [Володя] Шибаров. Кто-то из них даже заготовил примерный устав из примерно такого же количества слов, что здесь уже написаны до этого знака *, поделённого пополам. На одну из спевок пригласили никому не известного тогда молодого человека, который немного умел играть на гитаре. Фамилия его, кажется, была Зенин или Зилин, а имя точно не помню, то ли Валера, то ли Саша, но, в общем, не важно. (*Простим Евгению Зинину его великодушную, по скромности, забывчивость! Прим. перев.*) Его Сидоров узрел сначала на Сибинских озёрах[1], где он развлекал толпу туристов, приехавших на субботник, своими пьяными песнями и блатными аккордами, а потом тот же Сидоров увидал его (надо же!) в телевизоре, где он что-то лопотал (вот совпадение!) о каком-то КСП.

Об этом в дневнике у Т.Данченко записано буквально следующее:

«Появился Зинин. На него пришли посмотреть. Билетов правда не продавали.»

Ниже следует приписка: "Зря!", видимо принадлежащая перу тов. Зинина.

Прервём на время изложение документа, чтобы сообщить некоторые подробности первой версии, ускользнувшие от внимания автора.

Мысль о необходимости создания КСП, как и многие великие мысли современности, возникла в сознании масс одновременно в разных местах г. Усть-Каменогорска, что объясняется, видимо, созреванием к концу 1979 года необходимых к тому предпосылок, в частности наличием целого ряда самостоятельных авторов песен в самом городе и его окрестностях. Носители мысли стихийно объединялись в группировки, в которых данная мысль приобретала звучание вслух.

В частности, 2 сентября 1979 года такая группа, в числе которой присутствовали В.Володин и К.Серафимов, у которого именно в этот день появился на свет сын Алёшка (и факт этот взывал к тому, чтобы быть достойно отмеченным!), нанесла визит к М.Огородникову. Грандиозной пьянки тем не менее не получилось, так как у Огородникова оказалась лишь трёхлитровая банка домашнего вина, однако же преотличнейшего качества. Именно над этой банкой и прозвучали первые членораздельные положения о необходимости создания КСП в городе и о принципах его создания. По прошествии некоторого времени члены этой стихийной группировки с удивлением и радостью (весть принёс А.Капустян) узнали, что двое каких-то гавриков, совершенно неизвестных в туристической среде, бросили аналогичную мысль с экранов телевизоров. Было решено их выловить и с ними разобраться. С этой задачей, возможно сам не ведая того, прекрасно справился Ю.Сидоров.

Продолжим теперь изложение записок одного из тех телегавриков, усилиями, инициативе и целеустремлённости которого и обязано во многом движение самодеятельной песни и КСП в нашей области.

1 Подробнее об этом замечательном событии см. главу «Полтона на Сибинах»".

По другой версии[2] к[3] Зинин, т.е. я, автор сей бумазеи, снюхался с тов. [Сергеем] Волковым, и по глупости своей решили они: «А пускай будет в городе КСП!»

Правда цели они при этом ставили разные: Волков имел в виду дискотеку[4], где как вы догадались, будут исполняться не только Элвис Пресли и Бони-Абб, но и Клячкин, Визбор и все остальные, а вот Зинин, так тот наоборот: – ему Клуб подавай!

Короче, решили они действовать. Но как? И ... дали концерт на 1 час в школе № 38. Школьники были вне себя от восторга, а мы видели в них нашу смену, наш будущий состав!

Как мы заблуждались! Ни один из наших слушателей до сих пор не пришёл в КСП. Но тогда мы были на крыльях удачи и решили это дело отметить в «Светлячке».

Как видите, и здесь дело кончилось обыкновенной пьянкой, и читающий сию писанину саркастически усмехнётся. Ан нет! Дело всё оказалось в том, что за наш столик уселись два дюжих молодца[5], и мы стали пить вместе. И вот тут-то выяснилось, что эти парни работают на телестудии и им срочно (позарез) нужна свежая тема для передачи «Полчаса вместе с нами». Разумеется, мы тут же заключили джентльменское соглашение, и не прошло и двух недель, как мы с Волковым сидели под светом юпитеров и пялили глаза в телекамеры, придавая своим мордам интеллигентные (*!-прим. перев.*) лица, что у нас не совсем получалось, так как мне, лично, тёр воротник, накрахмаленный моей мамой, сидевшей в тот вечер у телевизора. Вот там-то и прозвучали слова о том, что неплохо бы (хорошо бы) создать такой Клуб, КСП, одним словом, и попросили телезрителей высказать по этому поводу свои мнения.

Короче, на спевку к Сидорову я уже пришёл известным киноартистом, тем паче, что за эти «полчаса вместе с нами», последним отвалили по 37 рублей гонорару. Деньги мне пришлись весьма кстати. Они ушли на пиво.

09.01.80 года Данченко, Капустян, Огородников, Володин и Красиков[6] решили - пусть мы соберёмся и поговорим.

16.01.80 мы собрались у Огородникова на квартире.

Были - Володин, Огородниковы, Волков, Капустян, Зинин, Данченко.

Стали знакомиться, пели, и даже записывались (плёнка у Огородникова). Я приволок исправленный и улучшенный Устав, Положение о членстве и программу-минимум (план работы) до июня 1980 г.

Программа была насыщенной и очень напряжённой. Там планировались выступления и по TV, и по радио, и на предприятиях, и в общежитиях. Где именно выступать, пока мы не знали, но на всякий случай назначили меня всем этим делом руководить, то есть президентом. (*Сдаётся мне, что я помню этот момент, прим. перев.*)

А уже 21.01.80 мы заседали в ЦДК.

И появился Чечин. Он страшно расстроился, узнав, что КСП это не КТП, где буква «Т» означает «туристской», но мы его быстро переубедили и стали петь вместе.

Где-то в феврале появился Серафимов с супругой и сыном. Он серьёзно очень исполнил несколько песен про пещеры. И вообще выглядел очень серьёзным. Впоследствии таковым и оказался.

Короче, решили мы тогда - задыхаемся! Надо выступать!

И не нашли ничего лучшего, чем выступить на TV 13.03.80.[7] Мы сидели в парке возле телестудии, жгли дрова с гвоздями от ящиков и делали вид, что мы в лесу.

Были:	Володин	(Телефонный звонок);
	Волков	(ведущий);
	Чечин	(Кукушка, Весёлый дождь);
	Зинин, Данченко	(Зелёная карета);
	Белкин	(записывал);
	Капустян	(курил).

Много сил у нас отняла эпопея с названием [Клуба].

Капустян тогда петь не мог, так как сломал ногу.

Мы с Валькой [Володиным] спели на Чечина пародию (Кукарекушка), и тот сразу предложил назвать Клуб

---

2 Существует еще и третья версия, которую излагает В.Красиков. По этой версии он, Паша Фетисов и кто-то еще после выступления на каком-то слете, где они чего-то спивали один за другим, пошли глушить это самое, апосля чего гордо назвали свою фракцию клубом самодеятельной песни.

3 Именно так: вторая сноска подряд. Дело в том, что археологические раскопки обнаружили у Володи Шибарова кубок «Туристу за искусство» за 1977 год. А вообще-то история песенных фестивалей (тогда они назывались конкурсами туристской песни) тянется с 25 мая 1968 года (д/о «Голубой залив»), когда городской турфедерацией решено было включить такой конкурс в программу туристического слёта.

4 См. главу «Первая дискотека».

5 Одного из них звали Карл Бец. Это был талантливый режиссер. Сейчас он где-то в столице. Там же на TV мы обрели и Веру Лазареву, тележурналиста молодежной редакции.

6 См. главу "Фа-мажор".

7 См. главу "Законы жанра".

ГР	**И**	**П**	**П**
у	с	о	е
п	п	п	сен
п	о	улярных	
а	лнителей,		

но этот номер у него не прошёл, и он[8] предложил назвать «Зараза» и был [, кстати,] недалёк от истины. Тогда же появилась и эмблема Клуба: скрипичный ключ в виде гитары. [...] Знак этот был принят тогда общим голосованием, и мы очень радовались, что у нас такой хороший знак.

Придумала его Данченко, а воплотил в жизнь в виде 4-х значков Капустян. Один значок в качестве подхалимажа – президенту, другой, видимо из личных симпатий – Данченко, третий поехал в Москву [точнее в Новосибирск] с одним обормотом которого мы (КСП) выкормили, и который отплатил тем, что забыл нас, не хочу вспоминать его имени [а зря, ведь это был Слава Назарко, который через 10 лет всё-таки вспомнил нас, более того без него современная жизнь КСП сейчас была бы намного скучнее и *дряньше*, (*15.09.94*)], четвёртый, естественно - себе.

Тогда же Серафимов показал нам слайды и уникальные записи (это было у Огородникова). Всем было хорошо (*кроме Т. Данченко, которая соскучилась и говорила: «Ну что такое, всё пещеры, да пещеры! Давайте петь!» - прим. перев.*)

11.04.80 мы дали первый концерт на КШТ.

Огородников пел «Мне большего не надо»;

Красиков пел свои песни;

Володин пел «Телефонный звонок»;

Зинин с Данченкой «Разговор» и «Снегопад»;

Ложников с Пасиковой «Снеговика»;

Чечин имел большой успех,

А мы с Валькой Володиным его отобрали, спев «Кукарекушку».

Успех был потрясающий.

К этому времени мы имели[9] комнату в общежитии УМЗ и Танзилю. Комнату нашёл Зинин, а Танзилю - Белякин, в то время ещё не бывший "штативом[10]". Прилагаю подлинный протокол от 21.04.80.

«21.04.80. Впервые собрались на репетицию в собственной комнате в общежитии. Замечательная комната. Ребята собственноручно принесли стулья для будущих многолюдных заседаний КСП. Готова и эмблема клуба – отныне она есть и будет навсегда. Жаль, что мы ещё без названия, но, как утверждают альпинисты, у нас ещё всё впереди. Маэстро Красиков принёс новую песню. [...]»

27.04. мы выступали в общежитии.

Танзиля пела Мицкевича;

Я что-то тоже такое пел;

Данченко выступала в двойке с Огородниковым и пела «Дерева»;

Чечин и Красиков пели свои песни, а Красиков даже умудрялся показывать при этом свои слайды.

С этого момента начинаются лучшие времена КСП, когда на заседание приходило более 20 человек, все пели, не ругались, не разговаривали, слушали новые пластинки, приглашали гостей.

Венец всему этому - 6 мая, конкурс самодеятельной песни на УМЗ[11], где КСП выдал большую программу (на 1 час).

1 место – торт в виде гитары – взяли мы с Таней.

Специальный приз за песню «42 строки» взял Красиков.

Володин пел «Баксанскую».

Потом у Огородникова мы съели 1 приз, а грамоты есть не стали. А вот фотографии и 2 номера газеты «Сквозь терции» затеряла Танзиля, пока я был в армии.

18.05.80 мы выступали в том же составе в клубе «Слава» при ЦДК с той же программой, а 04.06.80 приехала Ольга Цой – лауреат II тура московского фестиваля КСП. От этого вечера у меня осталась замечательная по качеству плёнка с записью того вечера. Были: Оля Цой, Володин, Огородников, Чечин, Зинин, Танзиля, Капустян, Ложников, Симашко, Дьячко, Волков, Красиков, всего 26 человек.

Замечательный вечер. Один из лучших в истории КСП.

24 июля мы в 10^{00} подали заявление в ЗАГС, а в 12^{00} уже снимались на телевидении, где-то тоже около 30 человек, зрители сидели отдельно, артисты - отдельно. Хороший был фильм, жалко, что мы его не видели, так как

---

8 Не он. Это была всё-таки Таня.

9 Против применения этого слова сильно протестовал спонсор. Для блюстителей морали сообщаю, что здесь это слова не обозначает, то, о чём подумал спонсор *(Примечание от 07.04.95)*

10 О том как Васька стал штативом – см. главу «Как склоняется «Искатель»»

11 См. главу "Разнарядка на "Кантилену".

он был 25-го, а в этот день Данченко стала Зининой, и с этого момента её фамилия (девичья) больше не упоминается.

А 27 06. я уехал в армию.

Вот и всё.

Теперь осталось вспомнить ещё 4 даты - 4 памятных вечера, которые удалось мне увидеть.

05.02.83 – вечер туристов в «Туристе».

09.02.83 – вечер в общежитии с участием муз. училища.

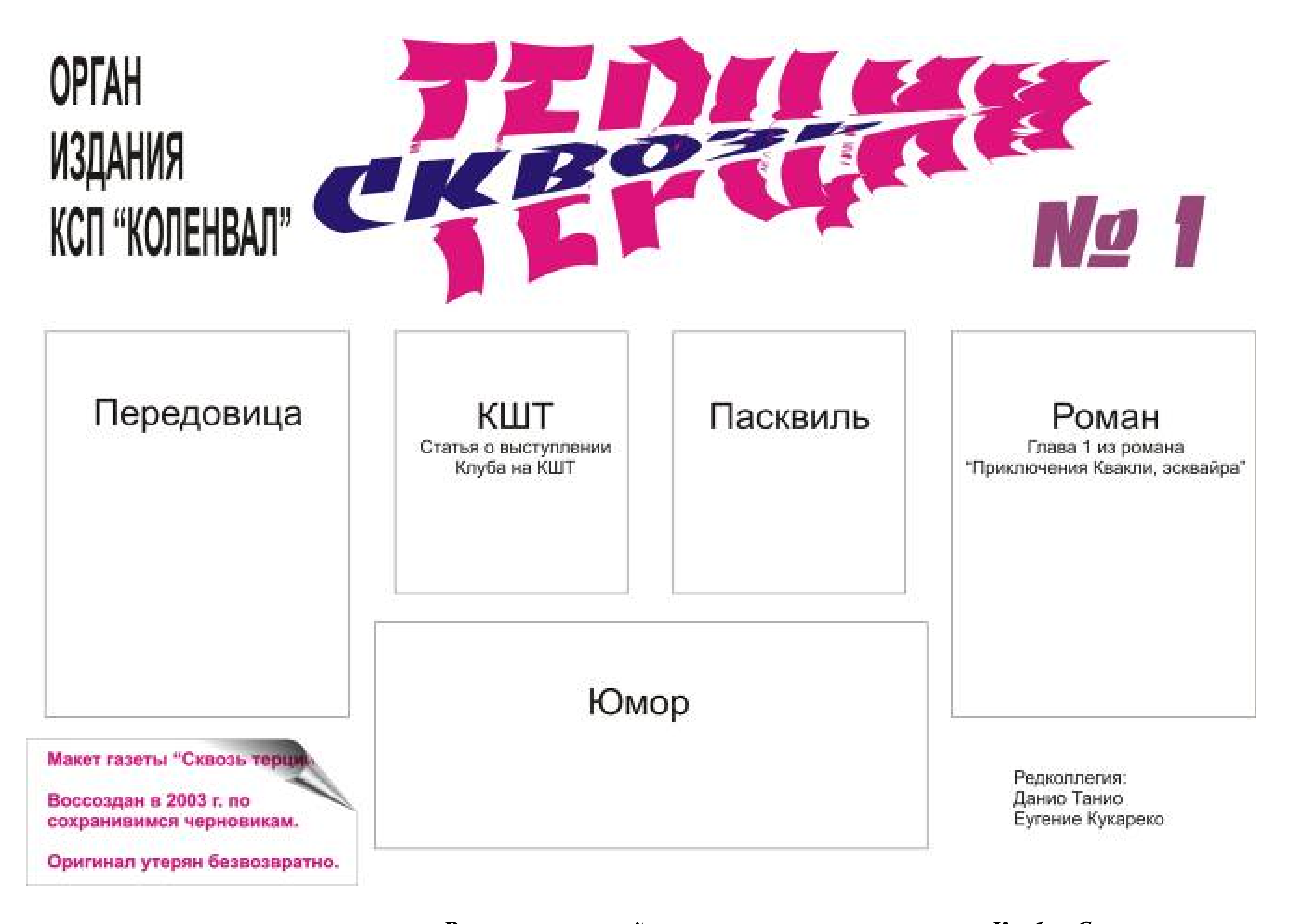
11.02.83 – авторский вечер В.Чечина.

13.03.83 – «Гастелло»[12].

[...]

Был ещё вечер в общежитии института (*УКПИ, прим. перев.*), но ничего не помню, сам там не был (была жена)[13].

Далее текст РАРИТЕТА сворачивает на выяснение сиюминутных проблем, которые ныне утратили актуальность. Тем не менее, Автор посчитал необходимым внести, точнее, дополнить Текст и предать огласке отдельные факты, существенно его дополняющие. Тем более, что Читателю в начале этой замечательной главы было обещано, что Автором уже написаны кое-какие страницы. Не буду разочаровывать пытливого Читателя, решившего дочитать эту скучную повесть до конца.

Восстановленный макет первого номера газеты Клуба «Сквозь терции».

12 См. главу «Как склоняется «Искатель»?.

13 См. главу «Флажолеты».

2. ПОЛТОНА НА СИБИНАХ. 1979, апрель

28 апреля 1979 года мой однокашник – **Сергей З***** взядючи машину у своего пап*а* берет меня с собой на Сибинские озера, попить водочки, немного отдохнуть и пострелять щучек. Я, правда, трижды по ним промазал, и шёл по берегу в непонятном настроении. Взял гитару, сел на пороге домика, напеваю себе под нос какую-то белиберду.

И В ЭТО ВРЕМЯ...

В дальнейшем в этом повествовании будет часто встречаться это замечательное словосочетание, поэтому позволю себе сделать небольшое лирическое отступление – оду, так скать:

А В ЭТО ВРЕМЯ...

А В ЭТО ВРЕМЯ - появляется всегда вовремя,
А В ЭТО ВРЕМЯ - и что-то должно измениться,
А В ЭТО ВРЕМЯ - и судьба поворачивает круто,
А В ЭТО ВРЕМЯ - принимает обличье кого-то,
А В ЭТО ВРЕМЯ - когда уж совсем безнадежье,
А В ЭТО ВРЕМЯ - и нет продолженья событий,
А В ЭТО ВРЕМЯ - а ты в тупике иль в колодце,
А В ЭТО ВРЕМЯ - и что-то в груди защемило.
Ну и так далее

А в это время обличье *кого-то* принял **Сидоров Юрий Иванович** – бородатый мужик в клетчатой рубашке и в кепке. Он сказал мне одну только фразу:
– Вон *там* вечером будет костёр, приноси туда гитару… Да и сам приходи.

Не могу сказать, что весь оставшийся вечер я ходил в преддверии чего-то, что должно в корне изменить мою жизнь. Я просто забыл об этом. У нас ещё *было...*
Тем не менее, вечером я действительно увидел в *той* стороне костёр, толпу людей. Они что-то негромко пели.
Каюсь, поступил я нехорошо по отношению к тем, кто меня сюда привез. Я пошёл *туда.* Справедливости ради скажу, что первое время и З*** и девушки тоже сидели у этого костра, пока их сон не сморил.
Всегда приходится выбирать.
И всегда этот выбор за счёт чего-то. Или кого-то. Чаще всего, это тот, кто ближе всех.

«Меньше всего любви достается
нашим самым любимым людям»[1]

При *любом* выборе есть пострадавший. Не думаю, что З*** and K° сильно пострадали в тот вечер, но вот какая-то трещина всё же пролегла. У меня до сих пор со всеми тремя отличные дружеские отношения, но в их компанию я более не вхож. И именно с тех самых пор. Впрочем, отвлёкся.
А *те* ребята пели какую-то песнь, почему-то хором и почему-то без гитары. Мужик в кепке был тут же, на меня ноль внимания. Я подсел *за кругом*. С третьего аккорда попал в тональность, стал тихонько подыгрывать. На третьей песне на меня обратили внимание:
– Ты играешь на полтона выше.
Это была знаменитая **Оля Сидорова**, известная запевала, душа общества, знаток туристских песен, ярая туристка, одна из основателей т/к "Алтай". Известна она была также ещё и тем, что как-то так получалось, что к концу любой песни, довольно ощутимо чувствовалось расхождение на те самые полтона между нею и, скажем так, аккомпаниатором. Это была её не вина, а беда. «Алтай» почти всегда ходил в поход без гитары, по причине отсутствия гитаристов. Поэтому, приходилось петь, так скать *a-capella*[2] – тут уж поневоле съедешь. Гитару она не слушала – авторитет не позволял, голос был звонкий, а мальчик сзади только мешает. (Это про меня).

Тогда я этого всего не знал, да ещё + C_2H_5OH, короче сказал, что думаю, и тут же предложил спеть какую-то известную всем песню. Спели. Все в норме. Никаких пол-тонов. Оля все-таки была разумная женщина, да и переместили меня в *круг*, следовательно, акции мои поднялись. Так и просидели всю ночь. Много песен было не знакомых мне, много новых было и для них. Ребята готовились к очередному походу, и в плане подготовки к нему

---

1 А. Дольский
2 Без музыкального сопровождения

проводили субботник. Их там было 3 или 4 группировки: водники, пешеходники, горники и просто бабники. Началась обработка меня – всем нужен гитарист в поход, к тому же ХОЛОСТОЙ. Альпинисты - к себе тянут, **Васька Белякин** (водник) к себе. А Сидоров в стороне стоит. Себя сберег на десерт.

– Они – говорит, – лентяи. Не ходи с ними. Нехороший народ. Испортят. У нас вот нет здесь **Тани Данченко** – работает она, сегодня, а то бы такие песни спели бы вместе. Хочешь заниматься серьезно – приходи в «Алтай», научим ориентироваться. В поход сводим. Компас покажем.

И показал. Знаменитая Сидоровская шутка: суют тебе в руки круглый термометр, и просят показать, где тут север или взять азимут.

С этим тестом я справился.

Вот тогда, именно той, *майской 79 года* ночью и прозвучали первые членораздельные фразы о необходимости создания КСП. Той ночью я пытался высказать свою *концепцию* (это такое модное слово) создания КСП в городе Усть-Каменогорске. Слышали мой предвыборный спич (это тоже такое модное английское слово) Кипустян, Белякин, Сидоровы Юра и Оля. По-моему там был ещё и Огородников. Надо бы при случае спросить его об этом.

Одно из заседаний турклуба «Алтай». В центре – Володя Шибаров. Над ним – улыбается – Оля Сидорова

На плато перед Сибинами. Фото из архива Клуба

3. ПЕРВАЯ ДИСКОТЕКА. 1979, август

В главе «Раритет» вскользь упомянуто о дискотеке. А зря! Ведь сейчас уже никто не помнит, да и не поверит, что первая дискотека в городе состоялась во II половине августа (точнее не могу вспомнить) в ДКЖ. **Сергей Волков** готовил организационную и музыкальную часть, я же всё лето готовил для неё слайды. Это были пересъёмки на ORWOCROM UT-18 конвертов от дисков, из журналов. Я был первым слайдистом первой дискотеки, а Волков – первым дискжокеем города Усть-Каменогорска. Главное лично для меня в этой истории это то, что теперь очередь хода – за черными. Другими словами первая часть делового соглашения с С.Волковым была выполнена. Мы подарили городу дискотеку, теперь очередь за новым подарком – Клубом Самодеятельной Песни. На повестке дня встал концерт в школе № 38. О нём и его последствиях рассказано в главе «Раритет».

На снимке:
Валентин Володин,
Сергей Волков и Автор

Вставка 2003 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДКЖ
небольшое эсце

Вообще-то, ДКЖ – это Дом культуры железнодорожников. Когда-то его хотели сломать[1]. Начали со сцены, но потом переоборудовали под очередной пивняк. Точно не помню, где-то году в 96 или 97. Я ещё тогда на МИКСе работал ведущим еженедельной радиопрограммы с одноимённым названием[2]. И поэтому у меня с собой почему-то был диктофон. И тогда, летом 96 (97?) года в районе «Милены» и «Империи игр» я столкнулся нос к носу с одним из будущих персонажей Книги – **Светланой Салычевой**. И она поведала мне, что надысь побывала на развалинах пресловутого ДКЖ а потом, закатывая глаза, рассказывала, как она бродила по развалинам ДКЖа, вспоминала юность, спектакли и постановки, проведённые на сцене, лежащей ныне в руинах открытых небу (во завернул!). Как вдруг увидела под рухнувшей плитой кусочек футляра от какого-то инструмента. Она бросилась к завалу, оттащила тяжёлую плиту, вытащила футляр, и…
В нём оказался кем-то забытый, заначенный видавший виды саксофон…
Красиво, да? Нет, конечно никакого саксофона и руин, разумеется, не было. Лежал там всего-навсего мундштук от сакса, но для Светки Салычевой этого было достаточно.
И Светка тут же, на улице, не обращая внимания на прохожих, начала читать, устремив ясные очи в пространство, стихотворение, написанное тут же на руинах. К концу чтения, она его уже пела.
Ну, про диктофон я уже говорил. Так что эта песня – в звуковом приложении к Книге
Если оно, конечно состоится.
И если я найду кассету, на которой осталась эта запись.

---

1 А нафиг нам ваще культура? Бывший (а может быть даже и тогдашний) аким города тов Нагманов сказал как-то в интервью СМИ: «А зачем нам театр? Я вот десять лет в нем ни разу не был, и ничего – хорошо себя чувствую»

2 Каким? А вот догадайтесь с трёх раз! Правильно – «Мои поющие друзья»!

4. КОРОВЯК. 1980, август

После шутки с «термокомпасом» **Юра Сидоров** взял-таки меня в свой поход. Как и было обещано, в нём участвовала и Таня. До сих пор вспоминаю тот поход во всех подробностях, да так, что доведись ещё раз пройтись тем же маршрутом – прошел бы след в след.

Сидоров был явный лидер. Авторитет! Всё знает. Нет тропы – попрётся через кушари. Знает, где поставить палатку. Правильно – рядом с тем местом, где припрятаны прошлогодние вёдра (не тащить же их в *этом)*, где взять воду, если нет никакого ручейка (а берут её на вершине ближайшего холма, в дождевой луже), и где растет щавель для борща. Сдаётся мне, что он сам его когда-то и посадил. Чтобы, опять же, не переть лишние килограммы. Знает он и все травы на свете.

– Юра – спрашиваю, – это что?

– Коровяк.

– А это что?

– Коровяк!

– Юра, а это что?

– Это тоже коровяк. Это всё коровяк. Все, что ест корова – коровяк[1].

От Сидорова же в этом походе я впервые услышал про лесного духа Алтая Хобу. Может быть когда-нибудь ещё мне удастся написать *нечто* об этом удивительном человечке без штанишек, а в этих записках для него просто не хватит ни места, ни времени.

А про поход этот написано здесь потому, что, во-первых, это – первый с Таней, а во-вторых, теперь я с полным правом могу называть себя «Алтайцем».

Вставка 2000-11-25

С лёгкой руки (точнее – страниц Книги) шутка с коровяком прижилась. И не только в КСПешных кругах Усть-Каменогорска, но и за его пределами.

Теперь барнаульцы, идя по лесу с новичками, называют все неизвестные науке травы не иначе как коровяком.

Коле Шёлковому (это фамилиё такая) Олег Шимуда не далее как в прошлое воскресенье втолковывал, что у него на чердаке висят пучки именно сушёного коровяка. Коля удивился и попросил первоисточник, который тут же нашёлся в его собственном серванте.

На снимке – коровяк. он же дивина, он же шубник, ну и так далее…

---

1 Коровяк (Verbascum thapsus), он же дивина, он же шубник, он же медвежье ухо - лекарственное растение, применяется при кашле, катаре и желудочных заболеваниях. Отвар из цветков применяют при головных болях, ревматизме, расстройстве матки, а также как успокоительное при судорогах, болях в желудке и ещё от 324 болезней живота. КСПешникам рекомендуется настой листьев при потере голоса.
Отдельные циники считают, что коровяк – это не то, что ест корова, а совсем даже наоборот. Враки! Коровяк – это вещь! Моя Танка с этого коровяка просто тащится!

5. ФА-МАЖОР. 1980, январь

На знаменитой встрече, той, на которую пришли смотреть на меня, я впервые познакомился с **Витей Красиковым и Валькой Володиным**. Они уже тогда были АВТОРЫ.

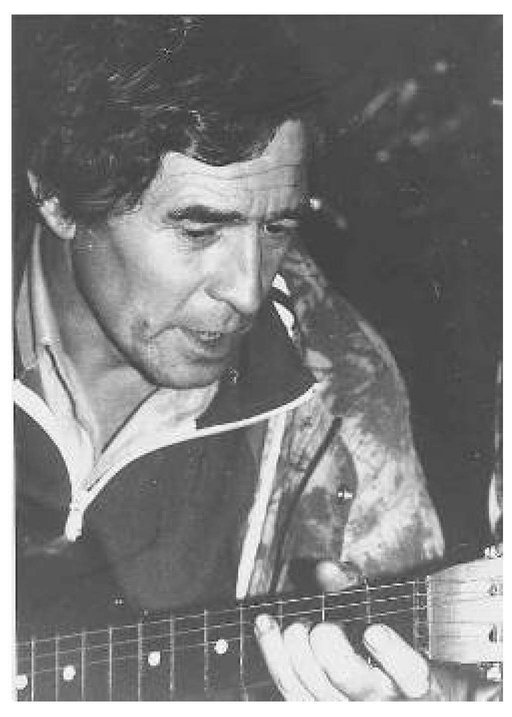
В отсутствии нашем звонит
нам кто-то. С домашними он
так вежлив, "Нет-нет" говорит,
но свой телефон не хочет назвать,
"Позвоню чуть попозже, потом".[2]

Эта Валькина вещь до сих пор меня волнует и удивительной музыкой, и недосказанностью и загадкой. Играл он на гитаре не хуже, если не лучше меня, знал массу песен А.Дольского, жил в Томске с «пьеровцами», хаживал по пещерам, говорил на ужасном пещерном сленге («Щас мы вот чаище запоганим!»), был общительным, охотно шёл на контакты – не удивительно, что мы быстро подружились.

А Красиков в тот день сидел на кухне и мучил песню. Никак не шёл у него переход к припеву. Он был, во-первых, семиструнщик, а во-вторых, честно говоря, и до сих пор испытывает[3] определённые трудности на гитаре.

Я быстренько «переснял» его песню на 6-струнку и с легкостью взял трудный переход.
– Вот он! Где?! Что за аккорд?
Показываю, пытаюсь состроить его на семиструнке.
А – догадался, – вот *этот*, – и берет Фа-мажор. – Пошли!
Состоялась премьера песни.[4]
– Стихи, – говорит, – мои, а музыка – палец в меня, – его!

Скромно сообщаю, что моего тут только «Фа-мажор». Но – Автор сказал – и это было принято. С этой песней мы выступали на зимнем слете туристов в феврале 80го.
Слёты туристов – это такие мероприятия, к которым (особенно к зимним) очень долго, загодя и тщательно готовятся. За призовые места давали очки, и у кого их больше тому и присуждали общее первое место, вручали призы и отваливали кучу денег на развитие туризма. Иногда даже рублей по 40. Зимние слёты проводились, как правило, в первую субботу февраля с утра до позднего вечера: слайды, кино, конкурс песен.
«Алтай» тогда выступил просто блестяще, и, начиная с этого памятного вечера, никогда не опускался ниже второй ступеньки. По моему настоянию фамилия Зинин с песни была снята. Справедливость восторжествовала.

на фото Стаса Назарко: Витька Красиков

.

2 Об этих стихах известного лишь, то, что они опубликованы в журнале «Юность» до 1979 года. Музыку написал Валька.
3 Испытывал. В 1999 году на Наурыз Витька замёрз в 100 метрах от пасеки Коли Шёлкового.
4 "Алтайское раздолье".

Белый снег лёг на лапник

Стихи и музыка Виктора КРАСИКОВА

Белый снег лёг на лапник,
Вновь закрыта гряда.
С веток пихт на палатки
Льёт шальная вода.
От костра дым тягучий
Ест глаза, лезет в рот.
От тепла кедр могучий
Снег за ворот стряхнёт.

Напевает гитара
Вальсы в ритме дождя
И про свечки огарок,
Про усталых бродяг.
Грустно нам от покоя,
Спальник влажный давно,
А по скатам рекою
Дождик бьёт проливной.

У костра вещи сохнут,
Потихоньку парят.
К нам летят мухоловки
И в палатке сидят.
Для пичужек продрогших
Нам не жалко тепло,
На штормовках промокших
Снег блестит, как стекло.

Бородатые парни
Закрутили махру.
Дождь со снегом на пару
Продолжают игру.
Может где-то есть солнце
Да не верится нам.
Синевы бы оконце
Ошалевшим парням.

Август 1979 г. Долина р. Капчал

Таинты, 1980. Слева – Толя Стратостян, а справа – его любимый мотоцикл уже в 1983. Нашим фулиганкам очень хотелось сфотаться на фоне именно зелёного мотоцикла, а он, как на грех оказался красный. Поэтому эти воспитанные девушки зубной пастой на бензобаке написали «Зелёный», чтобы всем было всё ясно. Мы думали, Толя обрадуется, но пошёл дождь, надпись расплылась и Толян долго матерился.
Оба фото и подпись к ней не имеет никакого отношения к главе «Фа-мажор, просто на листе оказалось немного пустого места.

6. ЧЕЛОВЕК С ЛОШАДЬЮ. 1980, июль

18 июля Таня, наконец-то повела меня в давно обещанный поход на Зубовский плёс. Акция сия была тщательно скрыта от любопытного постороннего взгляда. Каждый из нас объявил своему ближайшему окружению, что его *берут* с собой в какой-то дикий левый поход. Предосторожности эти необходимы были лишь для единой только цели – отвлечь от главного: мы шли вдвоём. В день похода у меня открылась температура, где-то за 38°. Но, но, но! Нельзя, никак нельзя откладывать: скользящие выходные согласованы заранее, билеты закуплены, маршрут намечен. Какая-то внешняя сила толкала нас, *влеча* за собой

Говорят, древние скандинавы выгоняли хворь из воинов, сажая их за вёсла своих ладей и часами заставляя грести. Не знаю, как действовала гребля на древних скандинавов, но для меня подъём на Пана (это гора такая, голая и крутая) вполне заменил это занятие. А может, подействовал кулёк превосходных вишен, захваченный Таней. Каждая съеденная вишенка прибавляла мне жизни, добавляла сил.

Одна из лучших ориентировщиц «Алтая» умудрилась ещё загодя сбиться с тропы. Пришлось штурмовать Пана в лоб. Спускаться было много легче, тем паче, что всего лишь через 3 часа непроходимых кушарей, мы вышли на долгожданный ручей (ух, ты! Стих получился!). А на плёс пришли уже под вечер.

Зато обратный путь вниз по Горной Ульбе мы уже летели и, как всегда, без тропы. Она то появлялась, то куда-то внезапно пропадала, то поднималась резко в гору, а то исчезала в реке. Я так до сих пор и не знаю, есть там какая-нибудь тропка. Мы плыли по воздуху, шли по воде, смотря друг на друга, не замечая, что вокруг давно уже льёт дождище. Внезапно эта хитрющая тропика наконец-то явилась нам, но вела, как всегда в другую сторону, резко вверх, по склону. Зато там, чуть дальше, через каких-нибудь 40 метров непроходимого кустарника, покрывающего почти отвесный склон, она появлялась во всей красе, широкая, ровная, почти асфальтированная, а ещё дальше, там, в лазурной голубой дали, где сливаются воедино Горная Ульба с Сержихой мы вдруг увидели разгорающийся костёр.

Нас заметили.

Разумеется, уж *эти-то* 40 метров мы прошли именно по *этому* крутяку, почти по прямой, спиной к обрыву, держась руками за торчащие из склона кусты шиповника. Помню только, что кусты были мокрыми и жутко колючими. Но, костёр, понимаете, костёр! Он разгорался, нам уже почти слышался запах тушёнки с гречневой кашей.

Это были не туристы. Их был один человек и семь или восемь девушек. Сплавщики. У них традиция такая, каждый год в это время и т.д. Только в этот раз все мужики, кроме одного джентльмена, схлюздили. Зато у них чего было много, так это гречки с тушёнкой. И когда, наконец, мы наелись и согрелись, одна из восьми или девяти смиренно попросила расчехлить гитару. И, пока я бережно расстёгивал хитрые замки, рассказала, что заметили нас издалека, на том самом крутом, поросшем кустами склоне, и долго-долго восхищались мужеством и отвагой молодого кучера, сумевшему по почти отвесному склону провести лошадь. Дело в том, что Таня – она росточка небольшого, а гитара из чехла – сами знаете, выглядывает довольно высоко. Её-то, гитару, и приняли поначалу за лошадь. А вы думали, почему так много наварили гречневой каши?!

Женщину, попросившую нас расчехлить инструмент звали **Нина Белая**. Белая – это не цвет, не символ надежды, Белая – это фамилия. Я просто счастлив, что узнал *лично* такого замечательного человека. Нина – преподаватель музучилища, большой знаток русской народной, авторской песни, сама немного сочиняет. Но главная её заслуга в том, что она создала собственную систему обучения детей музыкальной грамоте. Учила она детишек играючи. В буквальном и переносных смыслах. Из самых разнообразных пластмассовых, металлических и электрических игр она сама создавала наглядные пособия, игры, развивающие у детей воображение, музыкальную память и слух. Ребятишки на её уроках пели, играя в музыкальное домино, отвечали на каверзные вопросы музыкального электронного диктанта, складывали из кубиков музыкальные аккорды. Она переделывала игры-викторины на батарейках, где нужно было отвечать на вопросы типа «Кто написал Онегина» просто замыкая контакты, под музыкальные вопросы, и дети с удовольствием зажигали лампочки на правильных ответах. Её

приглашали на лекции по обмену опытом, с оплатой расходов и неплохим гонораром, в очень многие города Казахстана (Ленинск, Алма-Ата, Караганда) и России (Ленинград, Новосибирск). Об этих игрушках восторженно и официально отзывались целых три консерватории. Я сам видел ~12 кг писем из разных городов с просьбой помочь, приехать, выслать, рассказать, поделиться!

И только в родном городе её работа никому оказалась не нужной. Нине не давали работать, снимали её преподавательские часы. Очень старались на этом поприще тогдашний начальник отдела культуры при Самом. В 1992 году на Дне Молодёжи госпожа А***[1] и секретарь союза молодёжи Б*** прелюдно умилялись этими такими нужными детям игрушками, обещали, ну прямо завтра, помочь, созвониться с тогдашним директором Серебрянского завода неорганический материалов – чтобы тот помог поставить это дело на производство. Завтра же приходите, звоните, приносите игрушки, пойдём к Н*** (тогдашним по-нынешнему акимом), у нас связи, мы поможем!

Ха! Ни хрена они не сделали.

Потому что ни черта не умеют.

Потому что это всё им на дух не надо. Давать обещания – это их профессия.

Ну и Господь с ними. Не хочу на таких людей бумагу изводить. Речь-то идёт о Нине!

А тогда, мы сидели у костра и знакомились. Впоследствии она прожюрила у нас почти во всех конкурсах, учила нас, неграмотных понимать серьёзную музыку, помогала устраивать совместные с музыкальной школой концерты.

После того похода мы побывали у Нины в гостях. Напелись до хрипоты. А года через два мы с удивлением увидели прекрасно оформленный Ниной альбом, богато иллюстрированный фотографиями, со ВСЕМИ песнями, которые тогда пелись. У неё НИЧЕГО не пропадало. Вот такая она, Нина Белая.

Сейчас Нина живёт под Санкт-Петербургом в Сосновом Бору и вряд ли сюда вернётся. Надеюсь, хоть иногда вспоминает историческую встречу десяти красавиц с человеком, ведущим лошадь.

Вставка 2003-11-06

Никогда не думал, что когда-нибудь вернусь к этому сюжету, но когда июле 2003 в самом обыкновенном парке Кирова я вдруг встретил Нину Белую, да ещё под ручку со Светой Бирюковой (которая появится лишь в главе XXX) и алматинкой **Лидой Колесниковой**, которая появится в этой книге году уже в XXI веке, мирно идущих ко мне навстречу, я, признаться, несколько обалдел. Но ещё больше я выпал в осадок, когда Лида вместо паспорта, визитки, верительной грамоты молча протянула мне фото, приведённое на 19 стр.

«Как причудливо тасуется колода!» Оказывается, Лида Колесникова, с которой мы познакомились аж в 2001 году на фестивале в Алма-Ате (она пела песню «Вышивка» устькаменогорского (между прочим!) автора Иры Орищенко), на этом фото – пятая слева. Рядом с ней – Нина, потом – моя Таня, ну и как бы я спиной.

Действительно, у Нины ничего не пропадало. В том числе и это редчайшее фото, на котором изображены люди, которые вновь встретятся только двадцать лет спустя.

Нина сейчас живёт в Питере, Лида в Алмате, и раз в год они также встречаются в Усть-Каменогорске.

На снимке 2003 года справа от Автора – Нина Белая, потом – Лида Колесникова.

[1] Фамилии приведены в полной версии книги.

7. КЛУБ ПО ИНТЕРЕСАМ. 1980, январь-апрель

После потрясающего успеха КСП на зимнем слете туристов о нас заговорили. В ЦДК мне удалось выбить для занятий отдельную комнату. Подложили, правда, небольшой бочёнок дегтя: нужно было участвовать в различных заглотных[1] мероприятиях типа встреч в клубе молодой семьи или развлечениях в подшефном профилактории, где на десять артистов приходилось по одному полслушателя. Нужно было также ТЕПЕРЬ ежемесячно заполнять бесчисленные журналы и *придумывать* кучу мероприятий с поэтическими названиями: «Лейся, песня», «Звонкие струны гитар», и т.д., план работы на следующий месяц, перспективные планы на квартал, полугодие, на год, журнал учёта посещаемости, журнал *любительского клуба по интересам*, разработать (точнее переработать наш – уже принятый нами) Устав, Положение о членских взносах, о членстве. Всё это, разумеется, срочно, чуть ли не вчера надо, и чем это вы, мол, занимаетесь всякой ерундой, ничего не делаете и т.д. Эти планы затем направлялись вверх по восходящей бюрократической: в отдел культуры, в МДСТ, в ОНМЦ[2], или ещё куда-нибудь в соответствии с иерархией. Везде, куда было можно, сообщили, что Центральным Домом Культуры ***создан*** новый клуб по интересам. До сих пор оч-чень многие тёти от культуры считают на полном серьёзе, что именно они организовали КСП.

А мы тем временем собирали под свои знамена всех творческих людей города, до которых только могли добраться. У нас уже были Чечин, Серафимов, Семашко, но где-то гуляли на свободе А.В.Богданович[3] и П.Фетисов. Бесстрастный дневник того времени являет нам сегодня невероятную запись: «*...найти Елену Воронкову*[4]*...*»! Встал вопрос о магнитофоне, о записях, о финансах для планируемых поездок. ЦДК со всем соглашался, но денег не давал. Более того начались бесчисленные скитания по различным аудиториям. 335, 212, 211, 115, 414 комнаты, где только не находил приют КСП-80. Один раз даже прямо на сцене. Вопрос о *собственной* комнате даже не обсуждался. Все мои усилия по поводу *своей* хаты, которую можно было оформить по *своему* усмотрению, украсить и превратить в центр авторской песни разбивались о стену. «У нас *народные* коллективы без собственной комнаты! Сперва *покажите* себя!»

Бабки-вахтерки после 19^{00} уже не «пущщали», а наш контингент – рабочая молодежь, почти все работали. Не положено, и всё тут!

И В ЭТО ВРЕМЯ ...

Ну вот. Добрались. Это была **Галя Молостова**. В столовой УМЗ. Она была:

а) моей училкой по аглицкому языку в прошлой жизни;

б) в ТОЙ сибинской компании в переходный период;

в) воспитателем в общежитии УМЗ на Крылова-70 в нынешней карме.

г) очень голодна в тот день, что привёл её в столовую №6 «УМЗ».

– Ну, что?

Рассказываю.

– И что дальше?

Объясняю.

– Ну и как там?

Поясняю.

– А вот у меня в общаге есть *именно такая* комната, ну прямо для вас. Нам позарез (верха требуют!) нужно организовать для нашей идиотской[5] молодежи *клуб по интересам.* Это термин такой. А у вас он уже готовый, и даже по интересам.

Так мы и сделали. Почти 4 года верой и правдой служила нам эта комната. Здесь мы собирались еженедельно, и даже чаще. Сюда мы приходили в *любое* время. Здесь были выпущены первые газеты «Сквозь терции»[6]. Здесь встречались, и расходились. Здесь рождались грандиозные планы. Здесь влюблялись, и дружили. Сюда Васька Белякин привел **Танзилю**.

И отсюда увел **Веру Лазареву**.

А Танзиля спела несколько песенок на стихи Л.Щипахиной и А.Мицкевича и покорила сердца сразу нескольких мужиков.

---

1 Этот термин ввел в употребление Вл.Войнович в романе "Москва 2042".

2 МДСТ - межсоюзный дом самодеятельного творчества. ОНМЦ - областной народный методический центр. Уже не существуют.

3 Александр Васильевич Богданович - ныне живёт в Санкт-Петербурге. Его сын - Игорь, поэт, актёр и бард, где-то в тех же местах.

4 Нашли только в 1985 г! Сейчас Лена работает в Москве на телевидении какомта.

5 Спонсор, он же цензор, это слово из первой редакции Книги заменил на «советской»

6 Помню юный Слава Назарко очень завидовал этому названию, не пришедшему в голову никому из его любимых новосибирцев.

Впоследствии Васька[7] сделал для КСП ещё два больших дела. В 1984 году увел из КСП Олю Романову, а в 1983 году получил почётное звание «Штатив КСП»[8].

ЦДК немного поскрипел своими шестерёнками, но поскольку общага эта была *общежитием рабочей молодёжи всё-таки УМЗ*, то есть находилась под юрисдикцией Завода, следовательно, и Клуб остался при них, под чутким методическим руководством. А у нас снова появилась возможность (читай – обязанность!) вволю посоставлять новых планов громадьё, напридумывать новых мУроприятий, а главное – сочинить не новую песню, а такой нужный **новый** Устав (так и хочется сказать *Устав ОТ...*), соответствующий новому положению Клуба. Назначен был нам новый куратор. Куратор являлась один раз в месяц на занятия и требовала от нас текущей отчётности. В архиве Клуба сохранился замечательный документ, утверждённый 15.09.80 (подпись неразборчива), утверждающий перечень разрешённых к исполнению песен. Среди них были такие замечательные вещи, как «Человеку, прошедшему войну» В.Ланцберга, «Баллада о ночном комиссаре» В.Егорова, и почему-то п.29: «Комсомольцы-добровольцы» Марка Фрадкина и Евгения Долматовского. Так продолжалось довольно долго, пока мне не пришла в голову счастливая мысль: в порыве откровенности я предложил куратору, чтобы она САМА, с её богатым опытом, время от времени писала всё, что ей нужно, в духе времени и в свете соответствующих постановлений, и был правильно понят. Через неделю я, не глядя, подписал какие-то бумаги и с тех пор вопрос о текущей отчётности был исчерпан.

На фото: Оля Горских, сейчас живёт в Новосибирске и держит свою рекламную фирму → это справа, а вот кто слева ← уже забыл.

[7] А вообще-то он был большой лентяй. В походе ему в ломы было брать фонарик, поэтому он опускал в ближайший ручей турбинку, которая вырабатывала ему электричество для освещения палатки. Почему был? Помер он года 3 назад. Белокровие. [2002 г]

[8] См. главу «Как склоняется «Искатель».

8. ЗАКОНЫ ЖАНРА. 1980, март

В главе «Раритет» упомянут достоверный факт телепередачи от 13 марта из якобы леса. А между тем, его стоило бы осветить его поподробнее, потому, что именно тогда впервые название нашего Клуба появилось в средствах массовой информации.

Незадолго до этого в Клубе вновь появился **Карл**[1]. Карл – это один из тех дюжих молодцов, разыскивающих в сентябре 1979 года свежую тему для передачи «Полчаса вместе с нами». У него снова творческие искания, поиски сюжета. Считая себя – и совершенно справедливо – крестным отцом КСП он потребовал, да-да, именно ПОТРЕБОВАЛ! «продолжения банкета». «Я – говорит, – открыл тему! (Тему он, видите ли, открыл!) А каждая тема требует своего развития. О чем шла речь в первой передаче? О том, что нужно создать КСП. КСП создан? Создан! Создан во многом благодаря TV. Теперь нужно углубить эту тему. А тема такая: те же двое «телегавриков» в собственном соку проводят слет самодеятельной песни».

А зима ведь.
А – 30°С.
А Волков уже отошёл от наших дел. Дискотека...
Но – нужен слёт.
Таковы Законы жанра.

В парке рядом с TV[2], куда смогли дотянуться телекабеля из студии, собрали костер. Мы делали вид, что находимся в глухом лесу, что не замечаем на редкость геометрически прямых дров костра и торчащих из них гвоздей. Жгли ящики из ближайшего овощного магазина.

Девочки старательно натягивали на коленки полы пальто, дабы в кадр не попали ихние колготки (поход ведь!), диктор – С.Волков выбирал время для своих супергениальных реплик паузы между грохочущими автобусами.

Так прошли съёмки.

После, в студии мы отогревались чаем, и смотрели только что отснятый материал.

И В ЭТО ВРЕМЯ ...

На этот раз это был Карл.

– Ребята, как же вы можете спокойно спать без названия Клуба? Как вас представлять сгорающим от нетерпения телезрителям?

Эпопея с названием у нас тогда была в самом разгаре. **Супруги Белкины** даже приготовили аж два значка с предполагаемой эмблемой КСП. Предложенное ими название – «Эрато». Так, по их мнению, звали одну из 12 муз – богиню музыки[3]. Так что Карл наступил на любимую мозоль. А так как мы уже целых три месяца жили без какого-либо имени, а *ЗАКОНЫ ЖАНРА* требуют, тогда-то и он-то и предложил-то обозвать Клуб «Зелёной каретой» по имени полюбившейся ему песни, только что прозвучавшей в записи в нашем с Таней исполнении.

Это название мы и сами рассматривали где-то во втором эшелоне, но сейчас, после потрясающего успеха песни «Зелёная карета»[4], название переместилось в первую тройку и *ВЫБОР* был сделан.

Осталось внести это название в соответствующие анналы.

В ЦДК просто были возмущены:

а) без согласования с ними;

б) не отражает патриотическую направленность, коя, по их мнению, должна иметь место бысть.

Ещё долго, месяца два, общественность бурлила, искала лучшей доли, но поскольку стоящих предложений не поступило, с тех пор мы так и едем. В «Зелёной карете».

Непустян в то время сломал ногу, поэтому он не мог петь. Зато он смог отпечатать на пишущей машинке сборники песен А.Дольского, В.Чечина, и немножко – В.Егорова. Больше этого он ничего сделать не смог, так как нога у него к этому времени срослась. Поэтому он не мог больше работать руками.

---

1 Кому интересно – его фамилиё **БЕЦ**. Довольно известный деятель искусств. О нём тепло отзывался режиссёр нашего театра **Сергей Шипулин**. О нём я читал в какой-то книге. Он чем-то командовал в Лермонтовской театре в Алма-Ате. А сейчас он, по-моему, в Германии.

2 Этого безобразного забора вокруг парка тогда не было.

3 А на самом деле Эрато – богиня лирической поэзии. А вот богиня лирической песни – Эвтера. Эти музыкальные дела олицетворяли ещё две древнегреческих КСПешницы: Каллиопа – богиня эпической поэзии и Полигимния – руководитель департамента гимнической поэзии.

4 Музыка А.Суханова, стихи О.Дриза, пер. Г. Сапгира.

9. РАЗНАРЯДКА НА "КАНТИЛЕНУ". 1980, апрель

Примерно в это же время мы начали завязывать родственные связи с КСП других городов. Первым был «**Подснежник**» из города Бийска. Связь осуществлялась посредством проводника поезда Лениногорск-Бийск. Раз в неделю он появлялся на полчаса в городе и ехал дальше. Как его звали – память не сохранила имени. Но именно он привез первые две плёнки (концерты Е.Клячкина и С.Никитина) для перезаписи и одну пленку в подарок. Это была запись с концерта «Подснежника» в Бийске. Через 10 лет я узнал, что это теперь единственная запись. Он же привез новость, что в Бийск скоро приедет сам А.Дольский. А тогда в благодарность за это мы с **Мишкой Огородниковым** стерли начало Клячкинского концерта. Разумеется, что после такого замечательного события контакт с «Подснежником» прервался на какое-то время. Ровно на 9 лет.

А на Дольского «поехал» Валька. Но не попал. Очередной прокол: Дольский был там две недели назад. Валька привёз оттуда плёнку прескверного качества со знаменитой песней «Велосипед». Её до сих пор поют в Клубе.

Подведем итоги: связь с друзьями лопнула, нас как попало обозвали прямо в вагоне, проводник перешёл на другой рейс, да и Дольский, хорош, тоже мне, не захотел встретиться с Валькой.

И В ЭТО ВРЕМЯ ...

Батеха. Его звали Сергей. **Сергей Батеха**. Он был секретарем ЛКСМ УМЗ. Он решил провести I конкурс патриотической самодеятельной песни. УМЗ[1]. Создал Положение о проведении конкурса и разослал разнарядку по цехам.

В то золотое время ещё строился социализм. И искренне верили, «что всё это истина. От сих – до сих[2]»! Конкурсы песен приурачивали (не знаю, есть или нет такое слово?) к знаменательным событиям. *Тот* конкурс был посвящен 35-летию Победы советского народа в Великой отечественной войне. Начальникам всех подразделений УМЗ направлены *разнарядки*. А разнарядки в те годы выполняли очень просто: освобождали от работы кого надо и ставили задачу. Собственно говоря, ничего нового для нас не было: буквально месяц назад в ЦДК проходил творческий отчёт (надо же, чего я вспомнил! И *какое* раньше бывало!) 10 цеха и ЦЗЛ.

Руководство решило меня тогда слегка «припахать». Выудило с ночной смены, привело в комнату, где уже сидели 4 *таких же* и приказало к утру создать собственный ВИА цеха 10. Валера Семенец, например, скрипач, мог бы спокойно сыграть на бас-гитаре, Зинин, к примеру, на ритмухе.

– Инструменты, – сказали, – будут. К утру.

Никакие отговорки в расчет не принимались. Приказом мы уже утверждены. Репертуар нам подобран.

– К обеду привезут ноты.

И тут я вспомнил о только что созданном детище – Клубе самодеятельной песни! Я сказал руководству, что мол, не отказываюсь, только форма *моего* выступления будет несколько иная. Сам привлеку *кого надо*. Вроде убедил. А ВИА цеха 10 благополучно почил в бозе, не дождавшись утра.

Две недели мы втроём – Таня и Валька – учили и репетировали Егоровские «Облака». Нашли такие ходы, такие подголоски, такие аккорды в две гитары! Все-таки два лучших гитариста «Алтая»! Мне до сих пор кажется, что лучше нас *тогда* эту песню ещё никто не спел. Придумали себе название: трио «Кантилена».[3]

В день похорон нашего трио явились мы в ЦДК загодя, обрядились в солдатское х/б. Даже Тане нашлась юбка цвета «хаки». Тут выяснилось, что Валька исчез. Не было его минут 15, зато, когда он явился, я понял, что это провал.

В стельку.

Во время выступления в самый ответственный момент он заорал во всё горло там, где требовалась *кантилена*, повел песнь на себя, там, где по замыслу у нас было тонкое трёхголосье. Нам оставалось только поспевать за ним, пытаясь что-то ещё состроить, спасти. Это был потрясающий, самый настоящий провал.

Трио «Кантилена» на сцене ЦДК. Май 1980 г

1 УМЗ – Ульбинский металлургический завод, где имею четь работать с 11.11.77

2 Из Галича, кто не знает…

3 Кантилена - (Cantilena - лат.) слаженное, напевное мелодичное музыкальное звучание.

Опять я отвлёкся. О чём это я? Ах, да, о разнарядке!

Так вот к 35-летию Победы я уже *лично* получил разнарядку – защищать цвета 10 цеха на конкурсе песни. УМЗ.

Разумеется, что Первый Президент Усть-Каменогорского Городского Клуба Самодеятельной Песни счёл ЭТО Личным оскорблением. Меня – дважды кинозвезду, как простого печевого, посылают по какой-то разнарядке, на какой-то конкурс местного значения, который я бы и сам одной левой!

С *этим* я и пришёл к Батехе. Попытался объяснить, что искусство нельзя делить по организациям и подразделениям, что нельзя, невозможно проводить конкурс самодеятельной песни *отдельно* взятого УМЗ (а вы думали я случайно точку перед ним ставил?), что для *такого* конкурса на заводе просто нет нужного количества исполнителей, что надо бы привлечь ТМК с его Чечиным, Машзавод с Огородниковым и т.д. – по крайней мере, хоть будет *уровень*. Я предложил:

а) разослать Положение (ещё не поздно) на город по предприятиям;

б) взять на себя прослушивание, для отбора ст***о***ящих вещей на конкурс;

в) отдельную часовую программу КСП вне конкурса;

г) поучаствовать в работе жюри, в раздаче призов.

Батеха меня внимательно выслушал и сказал, что жюрить он будет сам, что призы раздавать не наше, извините, дело, что выступать с часовой программой нет необходимости, так как своих выступающих девать будет некуда, поскольку по цехам уже спущена *разнарядка*, на комитете секретарей первичек *озадачили*, оперативка прошла, напечатано 50 экз. Положений, и вообще пшёл отседова.

Ну, нет, так нет. А нам в ЛЮБОМ случае надо готовиться. Пригласили своих КСПят на конкурс, думали, займем 1 место (лично у меня сомнений в этом не было), ещё раз заявим о себе, воспользовавшись хоть *такой* трибуной.

За два дня до смотра меня *пригласил* Батеха. Пряча глаза он сообщил, что:

а) выступать некому, заявилось всего человек 5;

б) в предварительном прослушивании нет необходимости (всё-таки!), так как хочешь – не хочешь, а нужно просто загнать на конкурс тех, кто уже пришёл, точнее – *направили по разнарядке*;

в) неплохо бы подготовить минут на 30 программу вне конкурса силами КСП.

г) и т.д. по <u>тексту</u>

Ну, смейся, паяц! Теперь можно!

Торжество идей марксизма-ленинизма. Социалистическая интеграция в действии.

Я сказал, что думаю по этому поводу, но и не отказал.

И начал рыть землю. Удалось привлечь только Огородникова и Володина. Остальные *члены* отказались, и правильно сделали, планы предпраздничные, в те же сроки проводится туристский слёт, да и время ушло.

Тем не менее конкурс мы <u>вытянули</u>. По всем параметрам, согласно первоначальной программе. Разумеется 1 место, разумеется, взял уже ***дуэт*** «Кантилена», без Вальки. Сам же Валька и тут отчебучил чучу: спел «Там, в маленьком кафе» Визбора, это на 35-пятилетии-то!

Первым призом был торт в виде гитары, а вот второй – собственно гитара! Вожделение всего КСП. Плевок в душу. Батеха объяснил нам, что одна гитара на весь КСП не делится, другое дело торт. Поэтому в благодарность за проделанную (в два дня!) работу, за ваши героические усилия, для вашего же (разумеется!) блага, мы поменяли местами первые призы и нате вам тортик.

Вот так, блин, не больше, не меньше.

Тем не менее, благодаря усилиям ЛКСМ УМЗ и лично С.Батехи 1 **городской** фестиваль авторской песни состоялся только три года спустя.

По иронии Судьбы, а точнее благодаря её милой шутке, первый приз нам вручала **Люба Ларионова**[4]. (ВОТ СОВПАДЕНЬЕ!) Она ещё не раз появится на этих страницах, дайте только время Автору добраться хотя бы до 1990 года!

Фото.1980 год: Люба Ларионова вручает Клубу I приз

4 Через 11 лет я узнал от Любы, каких трудов ей стоило добыть этот торт. Она подняла на ноги чуть ли не весь ОРС, сама за ним ездила – это при нашем-то тогдашнем транспорте! – да и купила его в конечном итоге на свои деньги. Снимите свои шляпы, люди, как снимаю её я пред этой женщиной!

10. НИКТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ. 1980, июль

После таких успехов не грех было вспомнить *законы жанра.* У Карла – надеюсь, Читатель, ты ещё не забыл это славное имя? – это была последняя в цикле и третья по счёту передача на TV о Клубе, рождение которого, как известно, тесно связано с TV. Карл вложил в эту передачу весь свой талант, всю энергию и мощь Усть-Каменогорского телецентра. Всё было по настоящему: зрители, артисты, ведущий, диктор – ну, всё!

Не было только нас с Таней. Мы дико опаздывали. Что делать – жизнь на месте не стоит. Пересеклись две сюжетные линии, чтобы больше не расходиться. Как говориться

И В ЭТО ВРЕМЯ ...

Это была Таня. Это было естественным продолжением наших отношений. Сейчас в это раннее утро, спустя 14 лет, она досыпает свой сон, пока я извожу бумагу.

Весь день был расписан по минутам.

10^{00} подать заявление в ЗАГС;
11^{00} купить кольца;
12^{00} быть на TV;
14^{00} быть в военкомате.

А тогда мы жутко опаздывали. В ЗАГСе нам объяснили, что с удовольствием нас зарегистрируют через два месяца, что нужен испытательный срок. Но двух месяцев у нас не было. Не было у нас даже двух дней, так как

И В ЭТО ВРЕМЯ ...

В это самое время меня призывали в ряды Вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик (СССР)[1]. Как вышло так, что из 100 человек призывного возраста, работников УМЗ, получивших такие повестки, только меня одного отправляли на место *тех*, кого уже отправили ТУДА, в Афганистан? Это совершенно отдельная история, и когда-нибудь я её обязательно напишу. А в ЗАГСе мы сказали, что неизвестно, *где* придется служить, и пустят ли туда женщину, не являющуюся верной боевой подругой[2].

Регистрация была назначена на завтра, на 25.07.80. Уже заказан ресторан «Иртыш», две «Волги» и прочие прибамбасы. Правда у меня папа, а у Тани мама В ЭТО САМОЕ ВРЕМЯ были в разъездах, но время не ждёт, надо успевать.

На телестудию мы примчались с получасовым опозданием. Там, как всегда шумно, готовят студию, нервы у всех на пределе. Встречает белый от справедливого гнева **Валера Чечин**:

– Только одно у вас может быть оправдание: вы только что из ЗАГСа!

– Угадал, Валера, вот тебе приглашение на *послезавтра*.

Оставив остолбеневшего, онемевшего, опешившего и обалдевшего Чечина стоять, где стоял, с места в карьер записываем за один дубль ВСЁ!

– Ну, теперь подробности:

– Свадьба? Завтра. Двадцать пятого.

– Медовый месяц? Начнется с двадцать седьмого. Только не один месяц, а целых 24!

– Да, уезжаем. Сперва – я потом, надеюсь, Таня.

– Куда? Пока не знаю. Пока в Алма-Ату. Потом к *месту назначения.*

– Нет, Афган вряд ли.

– УМЗовская бронь? Ее сняли в связи с вводом *ограниченного контингента.* Сейчас подбирают последние резервы – двухгодичников из числа окончивших ВУЗы, имеющих военные кафедры. Членов КПСС, разумеется, в первую очередь, чтоб кнут был понадёжнее[3].

В ЭТО САМОЕ ВРЕМЯ ...

---

1 Ещё одна милая шутка Её Величества Судьбы: повестку я получил в ТОТ ЖЕ день, когда задал Тане главный вопрос, и получил своё, законное. Ох, и любит Она пошутить!

2 В ЗАГСе нам сказали: «Вы, знаете, мы ну вот никак не можем вас зарегистрировать… *сегодня*. Только – завтра.

3 Эта фраза в напечатанном варианте была тщательно замазана.

В это самое время **Сергей Пономарев** – будущий автор «Зеленой кареты», штурмовавший в 79-ом дворец Амина в далеком Кабуле, вел изнурительные бои за какой-то никому не нужный долбаный афганский кишлак[4].

НИКТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ.
Ничего не знали и мы.

19.07. – я сделал Тане предложение.
25.07. – состоялась наша свадьба.
25.07. – в Москве проводилась Олимпиада.
25.07. – С.Пономарев чистил свой АКС.
25.07. – Москва хоронила Высоцкого.

НИКТО
НИЧЕГО
НЕ ЗНАЛ.

НИ О ЧЕМ.

А регистрировала нас очень добрая, умная женщина. Она не тараторила, как *нынешние*, а через 3 года оказалась мамой **Алёны Аксёновой**, о которой ещё речь впереди. ВОТ СОВПАДЕНЬЕ!

Ну всё. Это уже во второй раз. Чувствую, достанется мне от истинных поклонников поэзии! Я понимаю, что нет у меня никакого права, но ты, Читатель, видишь, что творится!? Одни совпаденья! Неужели это не заслуживает небольшой оды? Неужели для ***этого*** обязательно должен быть яркий, неугасимый талант?

Но, надо, Читатель, надо. Законы, едри его в корень, жанра! ... Итак:

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ № 2

ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! но знать не дано нам,
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! и время настало открыться.
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! и тайна становится явью,
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! все годы сокрыто, забыто
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! от логики прошлых событий
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! от взора пытливого, тщетной попытки прозренья.
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! и Некто является снова,
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! забытый, пропавший
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! из памяти нашей,
ВОТ СОВПАДЕНЬЕ! тот человек, что когда-то отмечен был нами…

Ух, как бы мог эту тему развить настоящий Поэт! Какие бы он нашёл образы, как бы душу свою обнажил!

Нет, не дано, не дано...

Свидетелем у меня был, естественно, Володин. Он трижды выстрелил себе в голову указательным пальцем. Первый раз – когда мы заявили, что меня забирают в армию (ПАХ!), второй – когда узнал, что завтра – регистрация в ЗАГСе (БАХ!!), и в третий – что ОН будет моим свидетелем (БА-БАХ!!!) Ничего, выжил, *засвидетельствовал*, и вообще, держался молодцом.

Эх, Валька, старый, добрый Валька! Ну почему я не Давид Самойлов, не Н.А.Заболоцкий, не Юрий Левитанский?! Какую бы балладу мог бы «запоганить»!

Хотя бы, как один не совсем поэт, но в *душе...!*. Имени просил не называть. Он *смог* ...

Шуршит под ногами осень.
Она приблизила горы.
она раздвинула город,
и стал он шире в плечах.
Шуршит под ногами осень.
И столько нелепых заборов
неведомо как, ниоткуда,
выросло на глазах!
Мешки, рюкзаки, палатки -
коллекция пёстрых моделей
туристкой весёлой одежды,
взволнованный говор и смех.

4 См. Примечание 3

Поедут на слёт эти стайки,
но где же Володин Валька?
Так странно не слышать голоса
не видеть его среди всех.
И ходят разные слухи,
мол, Валька теперь в стране Духов,
живущих не в древних сосудах,
в бутылках из-под вина.
Мол, Валька свой дом теперь строит
из кирпичей горя
и хочет, чтоб там пели песни
Судьба его и Вина.
В жестоких зарослях чёрных
им же придуманных лестниц,
яростно прорывается
неважно куда, но вперёд,
и только взорвётся гитара
бешеным ритмом песен
боль на себя принимая
что сердце на части рвёт!
Не уходи, Валька,
в алгебру подлых мыслей,
в глухую полночную заумь,
в жестокий, бредовый страх.
Не уходи, Валька,
тебе не пройти сквозь стены:
останешься ты замурован
в мелодиях и стихах.
Шуршит под ногами осень.
Давно уже выдуло лето.
Бездарные, злые ветры
не носят весенних снов.
Я не даю советов,
хочу достучаться, где ты?
Вернись и верни нам, Валька,
свет звёздных твоих костров

Утром, 26-го я взглянул *повнимательнее* в Свидетельство о браке. Там почему-то стояла ЗАВТРАШНЯЯ дата регистрации – **27 июля**.

А в этот день, именно в этот, я уже летел в Алма-Ату, к месту нового назначения.

А эту песню **Валера Чечин** подарил нам в качестве свадебного подарка:

ЭТО ТЫ

По долинам и увалам
я прошёл, поверь, немало,
убегая в глушь лесную
от тебя и от себя.
Но за каждым перевалом
начиналось всё с начала,
появлялась ты,
косынку теребя.

Я встречал тебя повсюду,
но надеялся на чудо,
и усталый и разбитый,
припадал щекой к сосне.
Думал я, что всё забуду,
но неведомо откуда
сквозь усталость
приходила ты ко мне.

ПРИПЕВ:

Встанет солнце над землёй – это ты,
Мир огромный и большой – это ты,
Распускаются цветы – это ты,
Исполняются – тоже ты.

Только эхо вслед кричало:
– Надо всё начать сначала!
Я поплыл по диким рекам,
чтобы эха избежать.
Но за каждым перевалом,
ты опять меня встречала,
понял я, что от тебя не убежать

Забываются обиды,
всё меняется, как видно,
и потерянное счастье
постучит однажды в дом.
Растворю я двери властно,
и скажу глазами: "Здравствуй!
Я люблю тебя, ищу тебя, идём!"

11. СТРОЙБАТ, 1980, июль - 1982, июль

Не хотел я ничего писать об армии. По крайней мере, в *этих* записках[1]. Но и в это мрачное для меня время произошло несколько замечательных событий, так или иначе связанных с жизнью Клуба.

Во-первых мы поселились с Таней в Уч-Арале (Ушарал по-современному) – месте моего нового назначения. Не обошлось без курьёзов: несколько лет тому назад моя Таня едючи из Алма-Аты домой на автобусе сделала вместе с последним часовую остановку. Там у них «пересадка». Она бродила по этому поселку, проходила рядом с домом (на снимке слева, сделанным Автором в 2003 г), где мы впоследствии

ВОТ СОВПАД

ЕНЬЕ!

поселились, и всё думала: ну как тут люди живут? А в 1980 ей довелось поселиться именно здесь, и узнать это из первых рук. Живут, оказывается! И даже детей рожают!

Во-вторых, мне приходилось раз в месяц ездить по командировкам, то в Алма-Ату, то в Киев, а то и в Москву. Из одной такой командировки я привез первые диски авторов: А.Дольского и Е.Бачурина. Дольского, разумеется я подарил Вальке в ближайший приезд[2].

А в третьих, к нам однажды завалился ... **Упустян** (снимок 1981 г). Он сообщил массу новостей. Все они были неутешительны: Танзиля, в качестве нового президента, что-то пыталась сделать, но ничего, стоящего внимания за истекшее время не проистекло. Действительно, во время моих кратких отпусков из армии, которые я приурачивал (вот, и прижилось это уродское слово!) к различным слётам туристов, всё происходило по схеме: КСПят распихивали по турклубам, чтобы вывезти их за город, а вечером их приходилось собирать для сколь-нибудь на что-то похожего выступления. Помню Китаева Галина – гранд-тур-орг-дама, все пыталась меня выгнать из автобуса, мол, КСПешникам не положено, вас тут не стояло, ну и Бог с ней. Я ей не судья.

В четвертых и в пятых, именно во время службы в СА я познакомился с двумя замечательными людьми[3], каждый из которых заслуживает отдельного рассказа. По странному стечению обстоятельств

ВОТ СОВПАДЕНЬЕ!

оба они сейчас разожгли свои костры в теперь уже далёкой России.

---

1 Об этом периоде пишется совсем другая история. Называется «Баю-байки».

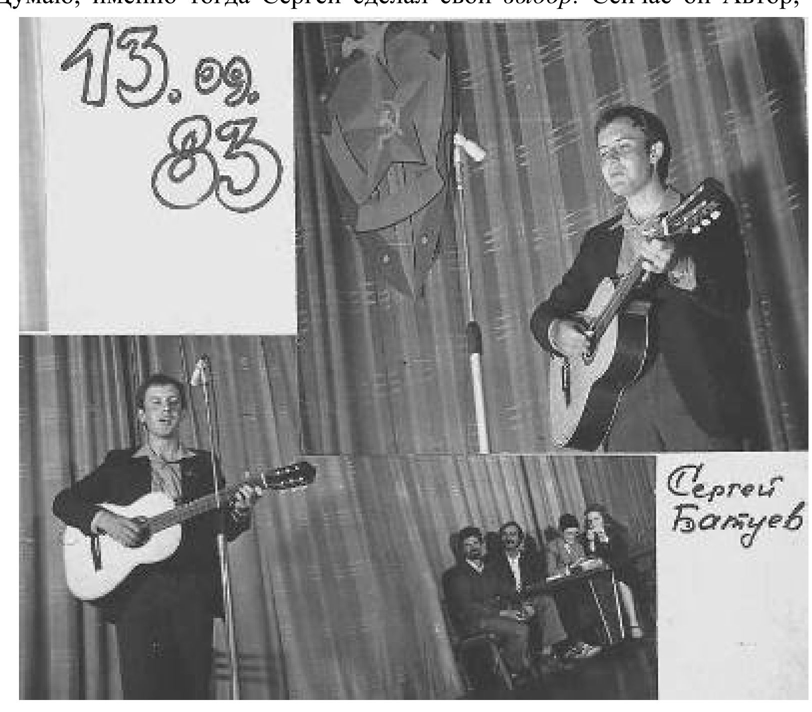
2 С этим диском вышла любопытная история. Мы с Таней сидели у Володиных на кухне, славно так попивали и подпевали под этот диск, когда ввалился Клапустян. Одного только хищного взгляда на великолепное фото на обложке диска хватило, чтобы сообразить: *это именно то, что необходимо для его самиздатовского сборника (который он набрал на ундервуде когда сломал – помните? – ногу) песен упомянутого автора.* Валька долго не раздумывал, он мгновенно поставил яйцо на острый конец:
– Мне подарили диск. Он остаётся у меня. А конверт пусть забирает Запустян.
Таков он, Валька. Сымет последнюю рубаху.

3 См. главы «Совращение Батуева» и «Флажолеты».

12. СОВРАЩЕНИЕ БАТУЕВА 1981, февраль

Не обошлось и тут без совпадений. В феврале мы с Таней дней 10 отдыхали в «Голубом заливе». Там же, отдыхал и **Анатолий Сергеевич Батуев с сыном Сергеем**. Последний только что поступил во МГРИ, а значит – мы стали соседями по институтам: институты МГРИ и МИСиС находятся в одном и том же здании. И немного пытался пописывать (от слова пис***а***ть). Унылое зрелище представляли собой его первые пробы пера. Никакой критики они не выдерживали, да и сам Сергей это понимает *сейчас*. А тогда мы обрушили на его голову песни Чечина, Володина, Бачурина. Он, бедный, сидел с открытым ртом, душой и ушами, *впитывал* в себя всё, и смотрел на нас *снизу вверх*. Мы были для него какой-то вершиной, до которой ещё надо дойти, и, чувствовалось – расшибётся, а дойдёт. Думаю, именно тогда Сергей сделал свой *выбор*. Сейчас он Автор, участник многих фестивалей, единственный из Усть-Каменогорцев[4], певших на *гитаре* на Грушинке (1993 г). Его *признали* Никитин, Лорес и Туриянский. Он – организатор и президент КСП в городе-герое Александрове Владимирской обл. КСП называется, кстати, «Цвелоп». Это аббревиатура. Здесь зашифрована песня В.Чечина «Лопухи» – из тех, что пелись ТОГДА.

А потом уже Сергей примерно раз в два года появлялся в городе, в Клубе, всегда привозил что-то новенькое. Всегда его приезд *ожидали*. Всегда это было событием. Жизнь КСП заметно оживлялась. Он привозил новые песни, новые имена. От него мы впервые услышали песни Луферова. Теперь, порой уже и мы поглядывали на него *снизу*, греясь у *его* костра[5].

Сергей Батуев в киноклубе

ЦДК, 1983 год;

ИЮЛЬ

С.Батуев

Опять летим то низко над полями,
то прыгнем вверх через опору ЛЭП,
и мир цветной вращаем лопастями,
вдруг штурман, глянув вниз, на миг ослеп.

Там на огромной солнечной поляне,
забыв про то, что техника сильна,
грех сотворяют мирные земляне,
и не мешает им ничья молва

Над лесом дальше мчится вертолет,
в наушниках диспетчер громко лает,
лишь вижу, изредка вздохнет пилот,
машина вздрогнет, ветер задувает.

Таинства праздник, созданный для двух,
как мало нужно, как к природе близко,
не дай сорваться мысли дерзкой вслух,
не упади в буквальном смысле низко.

Летим пилот отсюда поскорей,
не будем нарушать земного рая,
у нас самих за тридевять земель
есть дети, дом и ждет своя родная

---

4 Единственный на то время (1995 г). Сейчас к этому списку добавилась Ирина Орищенко, став, как и Сергей, лареатом Грушинского фестиваля.

5 А в 2010 году Сергея Батуева показали на российской первом канале в концерте серии «Наших песен удивительная жизнь»

13. ФЛАЖОЛЕТЫ, 1981, май

1981 год подарил нам Иванченко. Опять же во время очередного отпуска, приуроч. и т.д. Таня с гражданки мне сообщила, что КСП таки разродился на одно выступление в общежитии УКПИ, она была на этом вечере. Организовал его, чуть ли не **Серафимов**, был там едва ли не **А.В.Богданович**. А ещё были с ним его сын Игорь. А вот уже с Игорем был ещё один парниша, тоже Игорь. Так вот, они так классно играли на гитаре, так классно пели, а одну песню кто-то из них слабал на одних лишь флажолетах.[1]

А в мае состоялось наше знакомство. **Игорь Иванченко** был членом т/к «Стайер». А они – «лисятники», бегают как турьё по горам, но при этом ещё таскают с собой рацию. В которой, разумеется, они должны разбираться. Пел он всего Макаревича, Дольского и Егорова. И было это в Таинтах.

Действительно, классно играет. Мне до него – как до Маврикия вплавь. Через Северный Ледовитый. Но кое-чего из Дольского и Егорова не знал. На этом и попался. Проявил интерес к моей персоне. Смиренно прошу показать песню с *флажолетами*. Отпирался, ни в какую, без Богдановича, дескать, не буду. Но какой автор откажется показать яркую вещь, удачу, пойманную за хвост, укрощённую тобой жар-птицу? Раскололся, как орех! Это было и есть Что-то. Настоящая музыка. У Игоря – талант, талант, как говорится, от Бога. Талант композитора, актёра и исполнителя песен. Позднее мощно пробил себе дорогу ещё один талант: талант настоящего Поэта. А тогда была Музыка. И какая музыка!..

Какая музыка была,
Какая музыка звучала![2]

Мы просидели всю ночь. Я его кормил Бачуриным, он меня – Александром Богдановичем. Летняя ночь, *костёр*, высокая поэзия, взаимное узнавание друг друга. Сейчас сказали бы: судьбоносная встреча.

Ну а потом ...
Потом было много *чего.*
Но об этом - в своё время.

А тогда КСПешники впервые взяли *второе* место. Первое было, разумеется, у Игоря. Утешало лишь то, что он именно *тогда* он уже стал КСПешником. То есть одним из нас.

Игорь Иванченко, 1983 г.

---

1 Флажолеты - особый звук, извлекаемый на струнных инструментах, скрипке, гитаре, очень высокого и красивого тона.

2 Строки из стихотворения А.Межирова «Музыка». Использованы Ю.Визбором в песне «Наполним музыкой сердца», посвященной, кстати, тому же А.Межирову. А в пятой строке запева этой же песни - тема ноктюрна Фе Листа «Грезы любви». Каково?!

ДВА ОДИНОЧЕСТВА

Стихи А.Богдановича
Музыка И.Иванченко

Все в давно погибших предчувствиях,
не свершившихся светлых пророчествах
не печалясь взаимным отсутствием,
жили-были два одиночества.
Но однажды одно одиночество,
заглянуло в глаза другому,
и увидело в них ТАКОЕ,
что навеки лишилось покоя.
Одиночество же другое
неожиданно нежным голосом
рассмеялось, и тонкой рукою,
вдруг соседу погладило волосы.
А потом они многим на зависть
на скамейке в саду целовались.
В поцелуях закончилась вскоре,
до прихода ещё звёздной ночи,
эта простенькая история
одиночества двух одиночеств.

МЕЖДУ СТЕКЛОМ И РУКОЙ[1]

Игорь Иванченко

Между стеклом и рукой зажат белый лист.
Невыносимо держать занемевшую кисть,
льнёт ко стеклу поток грозных цветов,
снять бы ладонь, да стекло не закрыть на засов.

Что за стихия рвётся в моё жильё,
всё перекрасив своим, уничтожив моё?
За белоснежным листом, как за светлым щитом,
жить бы да жить, и не думать, что будет потом.

Может быть, всё это бред от чадящих идей,
треск по стеклу – он совсем не пугает детей.
Только посмотрят светло на отеческий страх,
и вдохновенно рисуют на белых листах!

Нет же, мой лист под рукой, застилающий мрак,
шепчет о тайне спасенья и требует Знак!
Что ж написать, и успеть ли хоть слово сказать,
если увидеть всё то, что я силюсь сдержать?

Боже, схожу ль я с ума постепенно?
Дети свободно проходят сквозь стену,
и возвращаются живы-здоровы,
и говорят мне, не молвив ни слова:
– Слушай, оставь свой ребячий каприз,
сходим в кино? Мы тебя заждались.

Лепет младенческих уст,, как на Истину свет.
Жизнь начинается там, где остыл её след,
где вожделения – тлен и стяжания – прах,
и всё равно, что напишешь на белых листах!

Разница - вот, с плеч долой, между быть и не быть,
не оттого ли так до смерти хочется жить?
И силе натиска так неуступна рука,
и под рукой так, не быть, невозможна строка!

Табор детей, где раздолье, азарт и игра
с дребезгом стёкол под звон заводного пера.
Лист закружил, и багровый рассол пригубя,
перед собою я вдруг увидел….себя...

Игорь Иванченко. Примерно 94 год

[1] Пелась на Петаккорде в 2000 году

14. СТО ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА.   1980, июль – 1982, июль

27 июля 1982 года я, отслужив от звонка до звонка, ровно 731 день (1980 был високосным) с дочерью и во второй раз беременной женой вернулся в родной УКа. Сняли хату на проспекте Ленина, 12, рядом с базой т/к «Искатель». Одним из первых пришёл нас поздравить Неупустян с Аленой – помните её маму, окрутившую нас с Таней 2 года назад? Мы слушали только что вышедший двойник Никитина-Берковского «Али-Баба и 40 разбойников». Напустян сказал, что уже видел мультик с энтими песнями. Этого мультика по-моему никто, кроме него в Союзе не видел. Но главное, что он принес – это рассказ о том, как они с Танзилей только что сгоняли в Целиноград (ныне Акмола [А ещё *нынее* – Астана!]) на фестиваль! авторской!! песни!!! Там он познакомился с **Игорем Люфтом, Виктором Барановым и самим Виктором Луферовым!!!** Попустян даже чего-то там даже спел. Вроде бы Чечина. Танзиля пела Долину. Выступили успешно и им пообещали прислать приглашение и на следующий раз.

Больше ничего в этом году не произошло. Разве что 10 октября у нас родилась вторая дочь – Марина. В тот день по ящику гоняли сплошную классику, а через три дня сообщили, ну, вы сами уже поняли – Леонид Ильич Брежнев. Рабочие «сцены» бережно и как бы случайно уронили гроб с *телом*, а для КСП открылись новые дали.

Которые приблизились только через три года.

Игорь Люфт в 2002 году (Астана, июль). Ныне – Игорь руководитель КСП города Лангепаса.

Кстати, в этом же городе сегодня проживает и Таня Володина – бывшая Валькина жена. Вот так.

СОВПАДЕНИЕ? – Судьба…

Проспектик, привезённый Танзилёй из Целинограда в 82 году

15. Я ПРИШЛА ВАМ ПОМОГАТЬ. 1982, остаток года

Первыми, кто навестил нас сразу же после армии был Всехзапустян. Он привёл с собой Алёну Аксёнову – дочку той женщины, что окрутила нас с Тахой в ЗАГСе два года назад. Мы послушали только что вышедший диск С.Никитина и В.Берковского «Али-баба и сорок разбойников», поговорили о немного о возобновлении работы КСП, от том, без помощи друзей клуба это сделать невозможно. Алёна всё это время сидела тихо, не перебивала.

Она была единственной из нас кто знал, что такое ноты. Она была большая и спокойная. Она бралась сразу и за всё. На следующий день после нашего знакомства она вновь пришла к нам домой.

– Я пришла вам помогать.

Мы с Тахой настолько были ошарашены таким необычным в наше время заявлением, что не нашли ничего лучшего, чем… предложить её чаю.

Совместных концерт Клуба и музучилища – её идея. Формула концерта была очень даже простая: Студенты музучилища покажут своё творчество, а мы им своё. А 2-3 песни она предложила спеть совместно.

По сути, это – первое самостоятельное мероприятие, проведённое после двух лет армейской ссылки.

Любопытно, что именно на этом мероприятии впервые появилась наша будущая «звёздочка» **Лена Титова**, более известная в широких кругах как **Воробьёва**.

На снимке: Анатолий Капустян, Ирина Москаленко, Танзиля Байтакбаева, Автор

ЧАСТЬ II

ПОТЕПЛЕНИЕ

16. 1983 ГОД

Ну, дорогой читатель ты ещё здесь? Тогда за мной – назад в 1983 год. Если у тебя хватило сил дочитать до этого места – грех бросать, ибо сейчас начнется одна из ярких страниц истории КСП – 1983 год. Эх, хватило бы автору «тяму», времени, бумаги, ярких красок своего незаурядного таланта для того, чтобы описать Его Светлость Тысяча Девятьсот Восемьдесят Третий Год. Да. Именно так. Каждое. Слово. С. Большой. Буквы. Этот год достоин отдельной оды. Заметьте, приступаю без разбега.

ОДА 1983 ГОДУ

ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ – год первых концертов с гитарой,

а? Что? Уже и надоело?
Да, мне, признаться тоже.
Но какова первая строчка, а?
Ну и что, что повторяюсь!
Ну и что, что без рифмы!!
Ну и что, что бессовестно слямзил!!!
Бездарно? Графоманство?? Ах, так!!!
Да, да, да!

И бездарно, и графоманством за версту тянет, да и не моё это дело – вирши из строчек складывать. Пусть это делают Долматовский, Добронравов, на худой конец – Трошкин какой-нибудь. По крайней мере, у них иногда что-нибудь да получается. А моё дело – сухо излагать событья в хронологической последовательности, или увлекать Читателя за собой яркими образами, непрерывной нитью повествованья и грандиозностью замысла. Скажи, о Читатель, много ли ты знаешь книжек, написанных о первых КСП? Не знаешь? И я не знаю[1]. Так что давай, читай, дочитывай! И другим дай почитать, а если ты ещё не устал, если тебя всё ещё зовёт барабан, собирающий всех нас воедино, если диван твой на ещё плаву, то устраивайся поудобнее и летим со мной вперед! Назад, в 1983 год!

Когда-нибудь звук барабана
всех соберёт нас воедино,
мы бросим заспанных мочалок
в краю кухонной кислоты.

И в пожелтевшие стаканы
седой тунгус[2] нальёт нам пиво,
и мы из трубок, как бывало
подымем коромыслом дым.

М.Кочетков

---

1 В 2002 году биографы Питерского авторского наследия, издатели серии книг о Питерских авторах Алла и Марк Левитаны подарили мне только что вышедшую книгу с аналогичной идеей, но, как они сказали, «написанную *не в таком стиле»* (ещё бы! Её кандидат наук писал!) о первых днях Сведловского клуба, разгромленного сразу же после знаменитого концерта Галича в Новосибе в 68. Так что нас уже – двое.

2 В оригинале – «еврей»

17. ПЕРВЫЙ БЕНЕФИС. 1983, февраль

Начало года было слишком бурным:
05.02. участие в традиционном зимнем слете туристов;
09.02. вечер с участием студентов музучилища на Крылова-70
11.02. авторский концерт **Валерия Чечина**. В Согре.

Концерт Валеры Чечина был задуман методистами дворца культуры титано-магниевого завода (это на краю города). Узнав об этом дня за четыре, я выловил будущего бенефицианта и изложил ему **свою** концепцию проведения **его** авторского вечера. Предложения были дельными, и Валера с готовностью их принял. Впоследствии выяснилось, что это вообще *один из лучших авторских вечеров*, проведенный, словно по какому-нибудь учебному пособию по организации КСПешных концертов. Правда, моё вмешательство повлекло за собой значительную правку уже согласованного репертуара.

Две песни, написанные от женского лица, в соответствии с новой концепцией, пела женщина. Женщиною стала Танзиля[3]. Она же спела песню со своей музыкой на Валеркины стихи. Пару песен ему помогла спеть Оля Горских – его будущая жена. Песню «Это ты» мы весьма классно срежиссировали и спели с Таней. Свои стихи читал Александр Богданович. Саша Барский сделал отличную запись с этого вечера, разошедшуюся по многим городам СССР. Дошла она, вроде бы, и до Всесоюзного радио. Конец вечера слегка подпортила **Лена Берест**. Не дождавшись его окончания, она бросилась в операторскую – послушать, как они с **Таней Пасиковой** разложили на голоса шестую строчку второго куплета песни Окуджавы про Моцарта. За этим занятием я их и застукал. В результате конец вечера безвозвратно утерян, на плёнку не вошло последних 4-5 песен.

После концерта Валера пригласил нас отметить его бенефис. Его мама приготовила обалденный торт, разумеется, в виде гитары, на котором кремом любовно выложены строчки из его песни:

Ты в палатку, сквозь окошко,
загляни, звезда моя!

Весть о прошедшем концерте дошла и до средств массовой информации. О нас впервые написала настоящая газета. Целый «Рудный Алтай»! **Паша Фадеев**, он же Ф.Павлов, в заметке «Без песен в походе нельзя» рассказал, что у Чечина в «... репертуаре более 50 произведений собственного сочинения самого разнообразного содержания, направленности от лирического до гражданского и антивоенного звучания». Рядом красовалось настоящее фото Валеры с гитарой. Однако ж, несмотря на фото, сделанное именно на концерте, ни о прошедшем концерте, ни о самом Клубе не было сказано ни единого слова. Что, однако, не помешало Паше использовать фонограмму этого вечера для выдачи в эфир.

Валерий Чечин, февраль 1983 г., Согринский ДК.

[3] Ничего двусмысленного. Просто игра слов.

18. КАК СКЛОНЯЕТСЯ "ИСКАТЕЛЬ"? Март, 1983

На мотив «Снеговика» В.Каденко
Автор пародии – всё тот же Валька

У меня за окошком капель
я так сильно страдаю,
КСП мне задание дал:
весь «Искатель» облаять.
Я с Андрея, конечно, начну,
он у них самый главный,
и протест от него не приму
хоть и спорит он славно.
Я протест от него не приму.
Ты не тряси бородой,
ты погоди, дорогой -
Люда пришла в КСП:
– Здрассте!
– Завтри мы едем на слёт,
пусть КСП там поёт
песни всю ночь до утра.
Во, даёт!

Да, именно так и было. **Люда** Ложникова, жена Андрея Ложникова, руководителя т/к «Искатель», действительно **пришла в** помещение **КСП** на Крылова-70, робко заглянув в дверь, сказала «**Здрассте!»** и сообщила, что после**завтри мы едем на слёт** «Искателя» по зимнему ориентированию, места в автобусе и в коттедже д/о «Гастелло» заказаны, и, дескать, **пусть КСП там** немного по**поёт** свои **песни**, ну **всю ночь**, хоть **до утра. Во, даёт!** С этим она и ушла, а мы остались раздумывать. Не поднять перчатку мы не могли. С другой стороны – времени всего – одна ночь. Для коллективного творчества времени просто нет.

Поступили очень просто. Рассчитались на первый-второй. Вышло 6. Шесть творческих единиц, шесть горячих голов, шесть рвущихся в бой гладиаторов. Но как выйти из положения? Как *достойно* предстать перед основными конкурентами, которые и сами при случае оч-чень многих могут перепеть? Ах, этот долбаный «Искатель!» Не могли предупредить хотя бы за неделю! Но и мы не шиком лыты! Дадим им чертей! Мы просклоняем вас по кочкам!

Стоп! Почему по кочкам? Почему бы не просклонять их *по падежам?* Ведь падежей-то *тоже* шесть![1] Давайте просклоняем «Искатель» по всем падежам Великого и могучего! Итак, именительный – Володину, родительный – Танзиле, и т.д. Нам с Таней достался *творительный*. Кем-чем. Надкустян тут же выдал афоризму: «Чем? *Чем*борисовым[2]». Впоследствии Хлопустян так, кстати, и сделал, предложив руку и сердцу Тане *Чим*борисовой, евоной бывшей жене. Бывают же, ёлки, совпадения! Сбор назначили уже в «Гастелло» в пятницу вечером, 11 марта.

Сразу скажу, что с падежами у нас ни хрена не вышло. Выдержали стиль, да и то с натяжкой, только мы с Таней, сочинив на мотив «Чепухи» Дольского свои слова, на буквы «Ч», «Щ» и «СК», сильно (на два слова!) переплюнув упомянутого Дольского, и усложнив задачу, взяв *словосочетание*.

Чимборисов Чемберлена Чем-то Чмокнул Черемонно,
Чебурахнул Человека Чебуреком Чеботарь,
а Черешневый Червонец Чертыхнулся Чемпионом,
и Чирикнул смаЧно ЧеЧин,
Что нет Чувства ни Черта!
Раз ха-ха,
Два ха-ха!
Кто у вас за вожака?
Отвечаем без затей:
«Это Ложников Андрей!»

---

1 Это сейчас их шесть. Чуть раньше их было семь, по другим версиям – девять. Был еще *звательный* падеж. Так на Руси звали своих любимых. Ж*е*но, например. (Именит. – жена).

2 Валентин Чимборисов, архитектор, художник, член т/к «Искатель»

Серафимов сочинил сразу три песни, Танзиля спародировала «Мы едем-едем», а Володин всех убил своим творением. Помните начало главы? Это – Валька. Гений Валька. В точку, в «десятку», в глаз! Но, как всегда, добивал всех оставшихся Валера Чечин. До сих пор вспоминаю тот вечер, а наиболее удачные фразы с него прочно вышли в туристский фольклор, в сленг.

Чимборисов Чемберлена	это Зинины,
Двое справа – это мы	это Чечин,
на зеленой траве – Танзиля	это Володин.

Эхо от выступления докатилось до нас через 2 года, когда безжалостный Ложников расквитался с нами, сочинив мерзкую пародию на нашу пародию на букву «З», внеся свой драгоценный вклад в сокровищницу мировой поэзии, срифмовав Зинина с унитазом.

Там же гениальный Валька показал две новые вещи (из него тогда *перло,* как из брандспойта!) на стихи Г.Прашкевича «А снег идет» и Г.Колесникова «Все снега заметут». «А снег идет» в ту ночь пели до посинения. Вальку вылавливали изо всех углов, будили, поднимали с койки, заставляя петь её снова и снова[3].

СНЕГ

Стихи Г.Прашкевича

А снег идет туманно и беспомощно,
листву и ветви слабо теребя,
и я молю, прошу тебя о помощи,
мне страшно, что я вновь люблю тебя.

Мне страшно, что деревья снова согнуты
сугробами ложащихся снегов.
Мне страшно, что нельзя покинуть комнату,
в которой столько эха и шагов.

Мне страшно, что опять летит в смятении
туманный снег, и я его ловлю,
и повторяю в белом наваждении:
«Мне страшно, но я вновь тебя люблю!»

Валентин Володин с дочерью Санькой. 1983 год

3 А в 2001 году с этой песней Игорь Иванченко вместе со Светой Звигинцевой стали дипломантами международного фестиваля АП «Поющие горы» на озере Иссык (под Алматы), причём лауреатов в этой номинации не было.

19. СЭКС-83

На одном дыхании 1983 год въехал в весенний слёт туристов. Именно там Клуб поджидал новый *выбор*, своего рода Искушение. Одна из самых драматических страниц в истории КСП – истории дружбы и противостояния двух клубов, «Зелёной кареты» и клуба спелеологов «Сумгана». Всё началось с разговора в автобусе. Змей-искуситель всех времен и народов **Костя Серафимов** спокойно продемонстрировал «бочковой» узел для например, стакана, ну, понимаете, чтобы достать воды из, например, колодца и при этом не пролить ни капли, ещё пару-тройку фокусов с вервием. А потом осторожно перевел разговор на то, что, мол, пора бы заняться делом, ребята, делом.

И предложил *дело*. Дело называлось «Спелеологическая экспедиция на Сумган» – СЭКС-83. Предполагалось, что в ней примут участие если не все, то большинство членов КСП. КБС – Константин Борисыч Серафимов – как самый опытный должен был возглавить её, а также привлечь к участию несколько опытных спелеологов из УКа и Алма-Аты. Решение всех непонятных вопросов КБС брал на себя. Этот художник слова всю обратную дорогу домой, не жалея красок, расписывал красоты подземного мира, справедливо обосновывал пользу совместного труда на благо или во имя чего-либо. Упомянул и о том, что акции КСП в туристской среде не ахти как высоки, что опыта практической работы в поле КСП не имеет, что как *туристский* коллектив Клуб на слётах просто не котируется. А совместная работа на природе сблизит и сдружит КСП *ещё более чем...* А какие там грибы, а какая река, а какие горы..!

– Костя, а как же верёвки, обвязки?

– Всё это уже есть. Чего не хватит – докупим.

– Костя, а *можно ли снимать обвязку на ночь, где лучше его застегнуть: на животе или на ...ю, как забить в расщелину скалы самохват, сколько патронов входит в карабин*[1], мы же не знаем!

– Научимся! Назначим тренировки. На 10 кэмэ. В старой Согре. Первая тренировка – завтра. Изучим теорию и, кстати, терминологию.

Это был финиш. Сейчас-то я, глупенький, понимаю, что КБээСу во что бы то ни стало нужно было сначала совратить вожака стаи. Как видно из дальнейшего, эту операцию он провёл просто блестяще.

Два месяца мы изучали основы скалолазания, вязания узлов, готовили самохваты и прочие необходимые в пути фенечки. Мимоходом, попутно сгоняли на летний слёт, выступая каждый *от своего* (пока) клуба, где показали себя с вполне приличной стороны в технике горного туризма. Там же мы обрели (Для КСП? Для «Сумгана?») Витю Фетисова и Лёшу Васюкова. Этот Васюков выдал на ночном костре классную песнь про горы.

Я не знаю, кто её автор. И сейчас, через много лет я нахожу в ней новые и новые параллели, узнаю себя, своих друзей. Не так давно, помню, усидели мы с Костей пару-тройку флаконов под эту песню. Песня эта как хороший глоток доброго старого вина, которое распечатывают только по большим праздникам.

Её я пел, когда бежал с Сумгана домой: через 4 дня нужно было быть на работе. Возвращался один. Так вышло. Экспедиция оставалась в поле ещё на две недели. А впереди лежали 30 вёрст по уральскому лесу до ближайшего населённого пункта (Мелеуз). А от него ещё нужно было как-то добраться автобусом до Уфы, затем поездом до Свердловска, откуда нужно попытаться сесть на самолёт. Вместо денег – авиабилет без даты вылета. Плюс ещё рубля 3 с мелочью. Все продукты – с собой: полпачки «Малыша» – молочная смесь для детей грудного возраста, 50 грамм сала, горсть сухарей, и грамм 30 «адской смеси» – брикетированная шихта из толчёных сухарей, мёда, изюма, орехов и печенья. Изысканное лакомство спелеолога, мгновенно прибавляющее сил. Его мне тайком от всех подсунула в последний момент не скажу кто. Экспедиция в тот момент испытывала оч-чень серьёзные трудности с провиантом.

Итак, через 4 дня – заступать на смену, кончается отпуск, билета нет, продуктов – на один только лёгкий завтрак, денег – аж целых три рубли. Подсчитываю, во сколько обойдутся мне телефонные переговоры с домом, в случае возвращения в УКа на поезде. А в голове звучала песня. Та самая.

---

[1] Всё перечисленное – полная туфта, для того лишь написанная, чтобы пытливый Читатель осознал всю глубину нашего дилетантизма перед сложнейшей по большому счёту экспедицией. Обвязку на ночь, разумеется, снимают, застёжек у неё вообще нет, в расщелину забивают не самохват, а крюк, а самохват или жумар служит для подъёма вверх по верёвке. Что ещё? А! Карабин это не ружьё, а специально загнутая скрепка толщиной в палец с зажимом, служащая для пристёгивания к разным верёвкам и другим выступающим предметам и людям, и патроны к ней совершенно не подходят. В приграничной районе Туркестана (мы в 84 ездили в очередную спелео-экспедицию на Кугитанг) погранцы на словах «Да ничего в рюкзаках нет, карабинов только штук тридцать, да верёвок немного» сделали стойку, и едва не расстреляли нас к чёртовой матери из своих АК-шек.

Горы кругом, горы кругом знакомые.
Сванские башни рвут на куски облака.
С каждой минутой ближе и ближе к дому мы,
видно отсюда достала нас эта тоска

Сядь покурить, сядь на рюкзак уложенный,
камень пошёл грохотом дальних копыт.
А перевал завтра простой и хоженый,
будто последний бросок до Ингурской тропы.

Вроде пора,
вроде пора соскучиться,
вроде пора всем нам хотеть домой,
кто же теперь, ну кто же теперь поручится,
что не вернёшься ты в город, словно чужой.

Что ты грустишь?
Будем встречаться семьями,
слайды посмотрим, выпьем с тобой пивка.
Ну а на большее просто не хватит времени
Ты посмотри, расшумелась наша река.

Что ты сказал? Да как всегда не ладится,
может быть встретимся, ну а скорее что нет.
Ты же ведь знаешь, но не идти же кланяться,
все, вроде, правы, да только ответа вот нет.
Время идти, давай помолчим и тронемся.
Каждый нагнулся, каждый поднял свой груз.
Мы по тропе, словно по жизни, ломимся.
Завтра она оборвётся.
И пусть.

Всё происходило, словно в немом кино. 30 вёрст до Сыряти я прошагал часов за 10, на 2 часа опередив намеченный график возвращения домой.
Шёл практически налегке. Гитара, палатка – всё Там.
Тогда я ещё курил. Перед перевалом Ташельган устроил небольшой привал. Разделил кусочек *сало* на 3 части, пожевал сухарей, запивая всё это водой. Решал трудную задачу: как оставшуюся пищу растянуть на 4 дня. Следующий приём пищи был уже в Сыряти, где я подкрепился стаканом свекольного сока за 3 копейки, которые нашёл по дороге.
В Свердловске стал понемногу приходить в себя. Обросший, с огромным рюкзаком, в штормовке с тоской в глазах я стоял в очереди в буфет. Если бы фильм «Мимино» тогда ещё не был снят, то эпизод в аэропорту без денег возле буфета режиссёр мог бы поставитьс меня. Разница в том, что у меня не было денег даже на чай. Я попросил у буфетчицы кружку воды.
Сейчас, когда всё это позади, и мы порой встречаемся семьями под пивко со слайдами, я вспоминаю то возвращение с улыбкой. А тогда, возле буфетной стойки я доел оставшееся сало, сухари и приступил к «Малышу». Ложек в Свердловске не оказалось, потому из металлической формочки из-под соли я сварганил лопаточку, которой можно было черпать детскую смесь[2]. Какая-то сердобольная старушка кончиком мизинца осторожно пододвинула в мою сторону пирожок. Держалась она, правда от меня подальше, поглядывала с опаской
Но Бог Сумгана берёг меня. Он оставил для меня ровно одно место в самолёте от Свердловска до Семипалатинска, и при обмене своего билета на их, даровал сдачи целых 12 рублей! В самолёте я славно поужинал за вчерашний завтрак, и уже ночью был в Семске. Билет до УКа обошёлся всего в 9 рублей. Даже кое-что осталось. Это *кое-что* – деньги – я безжалостно просадил в ближайшем буфете.
И правильно сделал.

О самой экспедиции много говорить не буду. Любителей спелеологии отсылаю к книге КБСа «Экспедиция во мрак». Желающие могут ознакомиться с ней, задав соответствующий вопрос её автору. Это – капитальный труд объёмом в 1 мегабайт, и он ждёт своего Читателя[3].

Потрясающим успехом СЭКС обязан только Серафимову. Он успевал везде. Он первым находил на карте нужные тропы, знал, где какой лежит *транс*[4] и сколько в нём чего. Знал, как в полной темноте отыскать нужную верёвку, в каком месте и как за неё дёрнуть, чтоб развязать[5], где какие зацепы, куда лучше не ходить и чего лучше не есть. А ещё он знал, что в пещере Сумган за грязевым наплывом[6] под скалой скрывается огромный зал, где *никогда* не ступала нога человека. В последний день СЭКСа, когда все уже сидели на рюкзаках, он бросился вниз, схватил лопату, сузил коридор траншеи и прокопал-таки последние оставшиеся метры сумганской грязи, и навеки вписал своё имя в скрижали великих географических открытий. Да, в наше время найти землю, на которой до тебя никто не был – это, братцы, действительно географическое открытие, как не крути. Костя был первым и у костра, и у котла, и вечером с гитарой. Это именно он создал обстановку небывалого эмоционального подъёма, каждый работал, выкладываясь до конца. В творческом плане СЭКС превзошла все ожидания. Все вдруг открыли в себе

---

2 Есть «Малыш» ложкой - этому надо ещё научиться. Это своего рода искусство. Для этого необходимо: во первых - набрать в ложку молочной смеси, Во вторых – сделать глубокий вдох, в третьих – заполнить полость рта сыпучей консистенцией, в четвёртых - сразу же после этого залить тот же приёмный бункер водой (Т к Ж ~2:1), в пятых постараться сделать осторожный выдох. Только после этих всех операций можно приступать к пережёвыванию и заглатыванию пищи.

3 Теперь со все этим делом можно ознакомиться в ИнтерНет. На любом поисковом сервере по ключевым словам – Серафимов, «экспедиция во мрак».

4 Хитрое изобретение. В мешке стандартных размеров укладывается всё необходимое - пища, батарейки - для одного дня работы 10 спелеологам. Или одному спелеологу на 10 дней.

5 Знаменитая система СРТ! КБСыч её творчески развил и применил на самой глубокой в мире пещере (по состоянию на то время) – пещере «Снежной» на Капказе.

6 Собственно, это и была главная цель экспедиции: прокопать лаз и найти новый зал в известной и изученной пещере. И вся экспедиция до умопомрачения копала этот лаз.

поэтов, бардов. **Лёша Васюков** неожиданно написал штук семь песен[7]. За что получил приставку к своей фамилии и стал зваться не иначе как Васюков-Кутукский по имени одноименной пещеры. На Сумгане свои первые стихи написали Витя Фитисов, Алёна Аксёнова и Лена Симашко. Тряхнули стариной Пертусян и Танзиля. Автор этих строк разродился новым танго на спелеологические темы. Всё это абайство-кунанбайство[8] бережно собрано, переплетено и украшено фотографиями тем же неутомимым КаБээСом. Разумеется в этот бестселлер 1983 года красной нитью вошли и его нетленки. Этот год стал рождением нового турклуба под названием «Сумган» – нового *костра* в дремучем лесу.

На снимке:

Автор с Васюковым-Кутукским в пещере, прости, Читатель, за каламбур, Кутукская

Из пещеры:

справа - КБС, он же СКБ, а для мужика в центре фото он просто Костя

[7] С одной из них он даже стал лауреатом в конкурсе авторов города Дрянска. Григорий Гладков, автор «пластилиновой вороны», вручая ему приз, сказал, что авторов в Брянском клубе мало, нужно беречь обоих.

[8] Это слово могло стоить мне Книги. Оно не означает ничего дурного и шовинистического. Учась в МИСиС (1972-1977) мы гордились тем, что приехали из Казахстана. Разумеется, среди нас было много непризнанных поэтов, бардов. Однажды, когда на одной из вечеринок кто-то из москвичей сказал, что на него напала окуждаевщина (это означало, что он написал очередной шедевр), кто-то из нас сказал, что у него сегодня тоже аналогичное состояние, но поскольку он из Казахстана, то ему следует говорить "абайство-кунанбайство". Слово понравилось и прижилось.

20. НУЛЕВОЙ СЛЕТ КСП, 1983, июль

Май 1983 принёс неожиданность – в УКа вернулась **Света Тюменцева**. Что-то у неё не заладилось в Калуге, где она проработала почти 6 лет вместе с легендарным **Пашей Намом**, которому, кстати, посвящена песня Михаила Щербакова «Крым». Света успела, поучаствовать в создании калужского КСП, славного своими делами и по сей день. Со Светой в Клуб пришли новые веяния: нужно более тесно сотрудничать с ЦДК, с Самаркановым (отдел культуры), с МДСТ, с ОНМЦ, а также с ИТД и с ИТП. То есть с теми самыми организациями, которые ни хрена для нас ещё не сделали. К тому же Света – сама яркая исполнительница, тонко чувствующая малейшие нюансы авторской песни, прекрасно владеющая музыкальной грамотой (что в Клубе – редкость), большой знаток творчества Городницкого, Круппа, Кукина и Окуджавы, знавшая Мэтра лично, короче КСПешница с ощутимо большим стажем. В её фонотеке хранится уникальная запись школьных песен **Миши Щербакова**, с которым она хорошо была знакома. Да и сам Миша – это её открытие. Тогда он был ещё школьником, которого Света с Намом силком притащили в калужский КСП. Они же познакомили его с Юлием Кимом, но это уже отдельная история. Она осторожно, но настойчиво и тактично стала прививать Клубу навыки хорового, ансамблевого пения. С её появлением вновь возродились разговоры о проведении фестивалей, приглашении авторов. Мы как-то даже сходили на приём к Некипелову – директору УКа филармонии и предложили свои личные связи в обмен на возможности фирмы по организации гастролей. Илларионыч нас огорошил. При всём своём влиянии он больше чем одиннадцать с половиной рэ за концерт заплатить не мог, ставки не позволяли. Да и то, при условии, что у автора есть какое-нибудь звание «народного», или на худой конец – «заслуженного». А со званиями у авторов было туговато. Егоров – логопед, Ким – учитель, Кукин – тренер по фигурному катанию, все они не члены, не состояли, не значились.

Одновременно забурлила вода вокруг названия Клуба, эмблемы. Оказывается таких названий по стране более десяти, да и ЦДК, как ты, Читатель, помнишь, против. Целая когорта вновь прибывших требовала «пересмотра границ». Но поскольку вновь ни один из «ревизионистов» ничего путного и более-менее изящного не предложил, то из этого роя ничего не получилось.

Приход Светы оживил работу в Клубе, мы запели Окуджаву, а главное, появился реальный противовес Серафимову. КБС мощно наступал по всем фронтам. Была написана и обнародована богато иллюстрированная история Сумгана, выпущена агромадная стенгазета, где обыгрывалось словосочетание СЭКС во всех мыслимых и немыслимых вариантах (проехались и по мне в этом едином стиле, обозвав СЭКС-президентом). По предприятиям читались лекции со слайдами. Наиболее удачные из них кочевали из рук в руки. Хитрый Васюков-Кутукский собрал со всех нас великолепную коллекцию слайдов, которую, кстати, потихоньку замылил[1] и дёрнул с нею в Дрянск, Брянской волости. Обязательным стало присутствие каждого члена на еженедельных собраниях «Сумгана», на которых нужно было носить специальную униформу, значки с номерами и нашивки. Эти прибамбасы, как в российском казачестве, нужно было самому выкупать, платить ежемесячные членские взносы, сдавать деньги за кем-то утерянную в походе, в котором ты не был, палатку, за испорченное снаряжение, а там уже на подходе новый значок, улучшенной планировки, и тоже не задаром, и где твоя нашивка, нет, такая не пойдёт, ты её сам вышил, а у нас у всех *должны быть* стандартные. Прибавьте к этому тренировки на 10 кэмэ, а также весьма хитрую запись в Уставе о том, что член т/к «Сумган» не может выступать в составе других клубов. Лучшие люди Клуба потянулись в «Сумган». Жёсткие порядки, после нашей вольницы им были по душе. К тому же началась подготовка к сразу нескольким экспедициям. Мы практически потеряли Аксёнову, Кнопустяна, Фетисова, Танзилю; *между* болтались Васюков и Семашко. Клуб обезлюдел. Оставшиеся обсуждали только пещерные дела. Приходили в Клуб для решения проблем, где взять рюкзак, какие вибры лучше, куда пойти в выходные. Мы превращались в очередной турклуб без традиций, без крыши, без основ.

Позарез нужно было Дело. Своё дело.

И оно нашлось. I слёт АП (авторской песни) был *приурочен* к ноябрьским праздникам. Поначалу нас поддержал горком ЛКСМ, ЦДК давал нам малый зал, но не на вечер, вечером танцы, а всего на 3 часа днём. Разработанное нами Положение на 4 листах горком разослал по своим каналам: предприятия[2], школы, дома культуры. 20 экземпляров Положений разослали мы. По турклубам, по известным нам творческим коллективам, где по нашим сведениям были могли быть нужные нам люди. Оставалось только ждать поступления заявок.

А ждать долго. 4 месяца. А люди пропадают один за одним в ненасытном чреве «Сумгана».

Помог Его Величество Случай. Как говорится

И В ЭТО ВРЕМЯ

В это время – 14 июля – Васюкову *подали* автобус. Прогулять за город на выходные дни молодежь его общаги. С условием, что он будет полон. А автобус был наполовину пуст. Или наполовину полон, как кому больше нравится.

---

1 А заодно и фильм, снятый во время экспедиции.

2 Я опять попал под разнарядку. Не знающая устали бюрократическая машина УМЗ, вращая свои шестерни во имя великой цели, не заметила разницу между организатором конкурса и его рядовым участником.
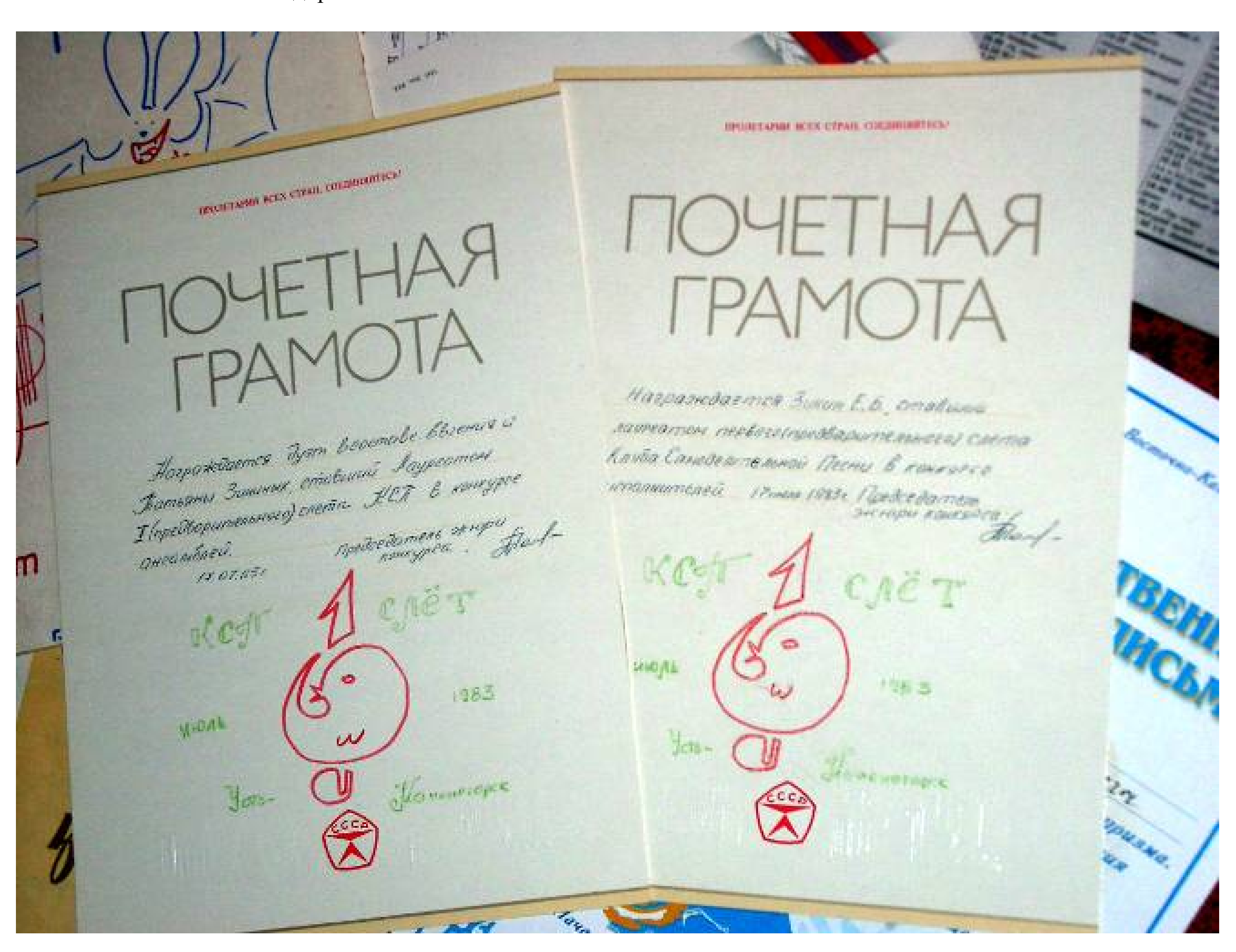
Решение созрело мгновенно. Мы занимаем оставшиеся места и устраиваем Первый Загородный Слёт Авторской Песни!

Он был в рощице на берегу Ульбы за Тарханкой. Мы провели хорошую репетицию перед главным конкурсом. Слёт прошёл как и положено, в два тура. «Лауреаты» выступали, как и заведено на приличных слётах, ночью. Днём – КВН, организованный Таней, конкурс рыболовов – отличился Голых Валера, выловивший из Ульбы всех пескарей, и, гвоздь программы – собственно конкурс самодеятельной песни. Сразу ввели новшество. Из-за ограниченного количества выступающих было предложено путём жребия распределить попарно прибывших вместе с нами жителей общаги между членами Клуба. Дать им 2 часа времени для совместной репетиции, и – добро пожаловать на конкурс! Таким образом, количество выступающих удваивалось. При этом к нашему делу сразу подключались новые люди. Затея удалась на все 360°, конкурс прошёл просто блестяще. Жюрила нас, разумеется, Света Тюменцева, она же и вручала самодеятельным артистам самодельные грамоты. Опыт этого фестиваля (самодельные грамоты и вовлечение в действо зрителей) нам пригодился в дальнейшем. Через 3 года самые лучшие грамоты – настоящие художественные произведения – изготовил Болденков к 200-летию Лениногорска, а устроила настоящий фейерверк с привлечением массы отдыхающих Ира Орищенко на «Острове невезения» под Зыряновском.

А я сделал для себя одно важное открытие. Оказывается горячий чай по утрам лучше всего пить сидя по горло в холоднючей Ульбинской воде. На лице моём написано было такое блаженство, что буквально через минуту рядом с моей головой из воды торчали головы всех остальных лауреатов Первого конкурса самодеятельной песни города Усть-Каменогорска.

После этого слёта я заявил о выходе из состава «Сумгана».

У меня была своя дорога.

Вставка март, 2003 г

«КТО ЖЕ ВСЁ-ТАКИ БЫЛ ПЕРВЫЙ??»
небольшое эсце

Справедливости ради нужно отдать должное истинным **первым**.

«Археологические раскопки» убедительно доказали первородство устькаменогорского туризма. Уже в то время, когда мы только пытались организовать конкурсы, а потом и фестивали авторской песни, в городском туризме существовала давно отлаженная система проведения … нет, Читатель, не концертов, не фестивалей в том смысле, который мы вкладываем в них сейчас, а просто рядовых конкурсов туристской песни, который проводились, между прочим, 4 раза в год! Конкурсы туристской песни входили в обязательную программу соревнований между турклубами. Существовала сложная система подсчёта очков, например, «за профилирующие предметы» – ориентирование, там, или большая эстафета, за первое место присуждали по 2 очка, за второе – 4, и так далее, обычные «номера» типа полоса препятствий или, к примеру, слалом на байдарах – по очку за место (первое – 1 очко, второе – 2 и т.д.). Но после трудного дня, как правило, субботнего, вечером всегда проводился конкурс туристской песни. За него много не давали – всего лишь 0,5 за 1 место, очко за второе и т.д. То есть туристская песня шла всегда как бы «золушкой», много на ней очков не заработаешь, но чашу весов при равенстве прочих показателей, недостающие пол-очка вполне могли и перевесить. И готовились к конкурсам туристской песни основательно. Нередки случаи, когда удачную песню, найденную на старой плёнке или в поездках по «эсэссеру» прятали от посторонних глаз, не пели длительное время. Танка@укг.кз сказала даже понятнее – песню *копили*. Копили бывалоча целый год, чтобы потом, на зимнем слёте туристов блеснуть ею во всей красе, забрать первое место, сорвать куш! Несмотря на как бы неполноценность, всего лишь, половинку очка, за первое место в конкурсе песни также вручали призы, грамоты, и хорошие гитаристы, певцы ценились наравне с признанными мастерами ориентирования. Конкурсы, как я уже сказал, проходили 4 раза в год: весной (на 1-2 мая – там три дня отдыха + пятница), летом, осенью («Золотая осень») и в конце января – подведение итогов за год. Обычно это был кинозал «Турист» с показами слайдов, фильмов, выставкой стендов с фото, и гвоздём программы – конкурсом самодеятельности, смеси КВН с фестивалем авторской песни. Собственно, ради него всё это и затевалось. Причём вся фестивальная атрибутика присутствовала явно: жюри, критерии, зрители, микрофоны, ведущие, совещание жюри, награждение.

Так вот, заболтался я что-то. О чём это я? Ах, да, о **первых**! Так вот, первый **конкурс** *туристской* песни состоялся 25 мая 1968 года в «Голубом заливе». Пели тогда Визбора и Высоцкого, Кукина и Богдановича, а также «А на кладбище всё спокойненько» Ножкина. Об этом поведал мне в прошлом году старейшина алтайского туризма – Альтаир Голиков. А Володя Шибаров даже показывал мне кубок с надписью «Туристу за искусство», датированный 1975 годом.

Пожалуй, эта дата – 25 мая 1968 года – и является точкой отсчёта не только устькаменоргских, а, пожалуй, что и казахстанских конкурсов туристской (тогда так называли авторскую) песни. По крайней мере, никто ни в Алма-Ате, ни в Астане, не смог назвать мне более раннюю дату. А, учитывая, что турклуб «Алтай», проводивший конкурс 68 года – первый турклуб в Казахстане, то более ранней даты никто и не назовёт.

А вот первенство в номинации «Первый **авторский концерт**» похоже, принадлежит всё-таки Алма-Ате. Александр Жовтис в журнале «Простор» (статья «И вот она, эта книжка!», дата утеряна) рассказывает о неофициальных концертах Александра Галича весной 1967 года в фойе алматинского театра им. Лермонтова (после какого-то спектакля в 11 вечера) и в КазГУ, в котором принял участие, между прочим, Евгений Агранович!

Так что датой рождения авторской песни в Казахстане можно считать весну 1967 года.

21. МЕЖДУ ДВУХ. 1983, август-ноябрь

Странное заглавие, не правда ли, Читатель? Ничего, ничего, привыкай. Это не между двух огней, дорог, ног и стульев, это между двух конкурсов самодеятельной песни!

С августа по ноябрь мы дико готовились к первому официальному. Не разрешили нам ни в горкоме, ни в ЦДК назвать его *вторым*. Всем вдруг захотелось почивать на лаврах организаторов ПЕРВОГО[1]. Провели оргсобрание, разделили сферы влияния. За горкомом закрепили средства массовой информации (объявления на TV и радио, реклама, афиши, корреспондента от газеты на концерт), рассылку Положений о проведении конкурса, грамоты, призы и председателя жюри. ЦДК давало зал (малый) на 3 часа для финального концерта, один микрофон, два человека в жюри и фотографа на второй день. За нами оставили всего ничего: прослушивание под «руководством» горкома, отбор исполнителей, рассылку Положений по *неформальным* объединениям (турклубы, персональные приглашения), расклейку афиш, разноску приглашений, сбор заявок, порядок в обоих залах, проведение первого дня конкурса, аппаратуру для зала первого дня, магнитофоны для записи концерта, фотографирование. А также чайхану, своих выступающих, своих зрителей и оформление обоих залов. Бескорыстное общежитие отдавало нам свой зал на весь день.

Как-то незаметно пролетели и сентябрь, и октябрь, мы попутно провели ещё два довольно крупных мероприятия: встречу с турклубами, посвященную всемирному дню туристов и с местным киноклубом, в день кино.

И вот, накануне фестиваля, мы вдруг поняли, что надеяться мы можем только на себя. Афиш горком не заказал. Положения о проведении фестиваля помощник КПСС отослал только в ДКМ и в штаб комсомольского актива. Газеты дружно промолчали. Председатель жюри вообще не явился на открытие. Накануне мы позвонили на радио и TV, оказывается они не в курсе. Безотказная Вера Лазарева на свой страх и риск дала-таки объявление в вечерних новостях, да и на радио тоже нашлись связи. Наши специально обученные люди до отказа загрузили телефонную сеть, приглашая своих друзей и близких.

29 октября зал был полон. Тюменцева объяснила нам, что открывать фестиваль положено общей песней. Ею оказалась «Голосом звонким» Г.Дикштейна. А первым конкурсантом стал Володин, как всегда выдавший *уровень*. После него уже невозможно было выступать плохо. Выступающих было человек 20. Из них – половина авторов, со своими произведениями. Володин, Танзиля, КБС, А.В.Богданович, Красиков, Чечин. Из Лениногорска приехал **Юра Болденков**. Ещё одного автора – **Эдика Щикоту** приволок Валера Голых. Пришёл и **Коля Токарев** – из тех, кого мы *привлекли* на *первом,* августовском пленуме КСП. Он весьма классно играл на гитаре классические произведения. Мы не стали отстаивать чистоту жанра, а допустили его до конкурса, где он взял приз за лучшее владение инструментом. Это так на него подействовало, что он ещё долго не терял с нами связь, и порой выручал нас, когда на каком-нибудь заглотном выступлении было некому петь. Штаб комсомольского актива прислал своего руководителя, **Сашу Корниенко**, человека огромной энергии и воли, во многом *сделавшего*[2] штаб, от костра которого вышли многие замечательные люди. Он убил всех песней «Про подъезд», оказавшейся песней Ланцберга «Я оставлю тебе» с народной, штабовской музыкой. Там действительно где-то встречается это слово. «Подъезд» он пел в дуэте со **Светой Голубятниковой**. Сейчас у Светы неплохое музыкальное образование, и поговаривают, что лучше неё песни Володина никто не поёт.

От ДКМ пришло трио под названием «Надежда» под руководством **Милы Мураховской**. Выступали они на конкурсе далеко не в своём амплуа – в ДКМ у них был совсем другой, утверждённый инстанциями репертуар, а здесь они отдыхали, пели то, что им хотелось. Они сначала уложили зал спать под песни Вероники Долиной, а потом вновь уложили – от смеха, спев заводной шлягер «Атос, Портос и Арамис однажды в баню собрались[3]». Во время выступления они вытворяли что хотели, кричали, кидались мочалками, дрыгали ногами, беспричинно хохотали, танцевали, ни на мгновение не забывая о раскладке на голоса. Так мы обрели для себя **Лену Титову, ныне Воробьёву** – солистку трио, человека, без которого нынешний Клуб был бы просто другим. Не лучше, не хуже, но – другим[4].

---

[1] Надо отметить, что они не были оригинальными. В 1985 году свой *первый* (областной) фестиваль «провел» МДСТ, в 1996 г. *первый* фестиваль бардов и поэтов провёла газета «Рудный Алтай», а в 2000 г очередной *первый* (международный) фестиваль «Алтайская струна» совместно с Зелёной каретой организовала и провела руководитель театра авторской песни «СВиФТъ» Света Волкова. Можно ещё вспомнить первый фестиваль Сергея Батехи. Об истинных ***первых*** – см. есце на предыдущей странице.

[2] 5 лет спустя штабисты объяснили мне, что Саша пришёл на готовое. Именно при нём мощная организация, вырастившая неслабых кадров начала разваливаться. Тогда мы этого не замечали. А Саша сейчас где-то в Белоусовке, забросил всё это дело и просто живёт. Точнее – жил. Нет больше Саши. Умер он.

[3] Между прочим, песня Леонида Филатова.

[4] Третий участник трио – Марина Загумёнова, в н.в. живёт в Москве, актриса, снималась даже в одном фильме с И. Муравьёвой (примечание 15.06.09).

Из исполнителей запомнился Боря Невзоров и **братья Левитанусы**. Одному из них – Саше помогала **Люда Высотская**, ныне **Левитанус**[5].

Самый молодой участник – **Санька Володина** выступала с папой, спев две песни про летающие тарелки.

Жюрила, к счастью, Нина Белая. Вместо председателя из горкома. К вечеру стало ясно, что конкурс получился на высшем уровне, а также ясно, что ни грамот, ни тем более призов, обещанных горкомом, не будет. Горком закрыт по случаю субботы. Из телефонного звонка домой одному ответственному товарищу нам было сказано, что и грамоты, и призы мы получим ... через неделю, так как наш конкурс проходит *в ознаменование*, а оно-то как раз именно через неделю (после 7 ноября[6]) как раз и *воззнаменуется*. Я тогда сказал, что ни один человек через НЕДЕЛЮ никуда не пойдёт. Вспомнили опыт настоящего ПЕРВОГО, а теперь уже видимо *нулевого* конкурса и за одну только ночь с помощью **Оли Горских** и **Алёны Аксёновой**, предложивших свои услуги, были нарисованы свои самодельные грамоты. Всем лауреатам. Без *воззнаменования.* С призами помогла **Галя Арбузова**, методист ЦДК. У неё оставались игрушки от детского праздника. На нашем безрыбье вручали их. Первый лауреат получил плюшевого мишку, трио «Надежда» – дипломанты конкурса – по погремушке. Соответствующие «призы» получили все остальные участники.

На второй день появился обещанный председатель вчерашнего жюри. Он потребовал, чтобы ему показали программу заключительного концерта, но концерт в это время уже перевалил за середину. Не взирая на строжайший запрет петь ТОЛЬКО то, что накануне было заявлено, почти каждый участник, выступая, добавлял что-нибудь этакое. Красиков спел свои «Имена», Чечин – «На далёкой Амазонке двое справа – это мы», а Иванченко вместо «Что знать могу я о войне» выдал злющую пародию на «Машину времени» и «Выпей свой бокал» на одну из мелодий тогда опального «Jesus Christ Superstar». При этом он настолько правдиво изобразил на сцене отрицательный персонаж, с позицией которого он принципиально не согласен, что лично мне, например, захотелось срочно закусить его песню солёным огурчиком. Дядя с горкома ничего супротив этого не смог сделать, так как сам залез от смеха под кресло.

Конец вечера был слегка смазан. Мы совсем забыли про Юру Болденкова – по неопытности не включили его выступление в финальный концерт. Юра уехал обиженный. Год потом мы улаживали этот инцидент.

Пресса и на этот раз набрала в рот воды, ещё бы – лауреаты отказались от призов, устроили чёрт знает что на сцене, вместо официального концерта, оказывается, накануне устроили *незалитованный* на целый день, неизвестно где.

Зато Вера Лазарева сделала о нас передачу, пригласив всех лауреатов в студию. Одному Богу известно, каких трудов ей это стоило.

---

5 Ныне Саша, Олег и Люда Левитанусы – руководят крупнейшей в Ука компьютерной фирмой с названием «Рейтинг». У них сегодня в штате практически все КСПешники – Игорь Иванченко, Света Волкова, Игорь Лукьянов и ...Серафимов (прим. 1995 г). По состоянию на 2000 год Света Волкова ушла из «Рейтинга», создав собственный театр авторской песни СВиФТЪ, а КБСыч, открыл в себе еврейские корни и укатил в Израиль. По состоянию на 2002 года – из Усть-Каменогорска уехала в Алма-Ату и Света Волкова, а также примкнувший к Рейтингу в 2002 году Олег Шимуда.

6 Сегодня в Казахстане 7 ноября – даже не выходной, а обыкновенный серый рабочий день.

22. НА ЛАВРАХ, 1983, ноябрь – декабрь

После конкурса все вдруг нас захотели. Нас приглашали в общежития, в институт, «идиотская» молодежь родного общежития просила почаще выступать. Мы никому не отказывали. На встрече в Васюковской общаге нам подарили большущий альбом для клубных фото. На этот альбом, любовно оформленный Светой Тюменцевой, можно взглянуть и в наши дни. Он у Автора. Учитывая опыт надежд на комсомол, мы не забывали теперь уже сами приглашать прессу на интересные мероприятия. Ещё трижды в этом году появлялись про нас заметки. Правда, почти всегда заметки были с фокусами. Так об авторском вечере Володина и Богдановича было сказано, что оказывается мы проводим «концерт КСП «Звонкие струны гитар»...». Другая, уже вышедшая после *звонких струн,* без названия, рассказывала о том, в ЦДК прошли авторские концерты **Александра Богдановича** и Валентина Володина. «А.Богданович – цитирую – известен восточноказахстанцам в основном как поэт – более 70 своих стихотворений опубликованы в республиканских, областных и районных газетах. В.Володин – исполнитель песен на стихи сибирских поэтов». Почему именно *сибирских*, автор заметки – В.Светлова не объясняла. Но тебе, Читатель, я открою страшную тайну: Валентин ***пользовался*** исключительно журналом «Сибирские огни». Именно оттуда, в краткие минуты отдыха, в момент наивысшего вдохновения, черпал он произведения для своих гениальных песен.

Авторский вечер Володина и Богдановича – был логическим продолжением октябрьского конкурса. Тогда в заключительном слове мы обещали, что с лауреатами конкурса Клуб будет устраивать специальные тематические встречи. Выполнили мы и просьбу родного общежития. 23 декабря «Рудный Алтай» гордо сообщил читателям, что завтра мы проводим вечер самодеятельной песни «Песни дружбы – песни свободы». Интересно время начала концерта: 21^{00} (с чего бы это?). А также то, что в нём впервые участвовала **Ирина Москаленко**.

Александр Васильевич Богданович с дочерью. 1983 г., ноябрь.

Об Александре Васильевиче стоит сказать особо. Турист, учёный, поэт и бард. На СЦК внедрял кивцетную технологию, побывал даже на выставке в Японию. Любимый поэт – Юрий Кузнецов. Возможно, что они были даже знакомы, по крайней мере, я видел у него стихи, в то время не опубликованные ни в одном журнале. АВ даже написал несколько песен на стихи Ю.Кузнецова, в том числе прелестную «Лягушку», которая по мнению АВ как нельзя лучше характеризует поиски учёного в неведомом. Как поэт АВ подарил миру множество стихов и песен. Слова в его песнях звучали по особому, они пели, разговаривали, жили самостоятельной жизнью вне произведения, вплетая свой разговор в само произведение, подчёркивая мысль, своеобразно играя роль аккомпанемента.

Ольга Сидорова, прослушав концерт АВ, с удивлением узнала, что многие его песни народными туристскими песнями – наше турьё их пело во все дырочки.

А ещё АВ сделал Клубу подарок: кассету с записью поэмы «Свой остров» и множества стихотворений.

Как и многие наши таланты АВ вскоре эмигрировал в Россию. Живёт в Санкт-Перебурге. Но связь с нашими земляками не теряет. Не так давно написал даже предисловие к книге стихов Игоря Иванченко.

23. ТЫСЯЧА И ОДИН ПЕЛЬМЕНЬ или сколько будет 3-2? 1984, январь

В общежитии УКПИ стоял жуткий холод. Деньги кончились на второй день после получки. Писем из дома не было месяца три. На телефонной станции сказали, что больше за счёт вызываемого звонить не разрешат. Занять не у кого. Ни друзей, ни знакомых, одна в холодной комнате, **Ирина Ароян** – выпускница КазГУ, а ныне преподаватель математики в Запоганье[1]. Одержимая идеей всеобщего *обармянивания* СССР, воя в душе от тоски, зашла Ароян к своей соседке по комнате угоститься чаем. Добродушная соседка, болтушка, и весьма старая дева, всё приговаривала, «Ну что, Вы, мол, не кушаете печенье?» Печенье на вид было такое, что любая уважающая себя пролетающая мимо ворона тоже не стала бы кушать. В порыве всё возрастающей любви и расположения к замёрзшей девочке, у которой в Алма-Ате остались и муж и дочь, взяла горсть этого печенья и ... высыпала его в Ароянский чай. Помешивая ложечкой эту смесь до получения гомогенной субстанции, соседка сострадала, сопереживала, сочувствовала всеми своими органами, приговаривая: «Угощайтесь, милая!»

Читатель, тебя когда-нибудь голодного, вместо горячего чая угощали тёплой бурдой, по цвету напоминающее компот из светлого вна[2]? Интересно, что бы ты сделал на её месте? Она вот – тепло и с достоинством поблагодарила за эту *кашку* и сказала, что у неё разболелась голова и можно она выпьет этот замечательный напиток у себя в комнате? Получив милостливое разрешение и отхлебнув с закатанными от восторга глазами глоток этого пойла, Ирина удалилась в сторону ближайшего туалета отрыгать принятое.

А на следующий день та же соседка уже сама пришла к ней в номер. Завтра у неё, оказывается, день рождения, и она хочет, чтобы Ирина к ней пришла. «Нет, нет, подарка никакого не надо, вот если бы Вы купили тортик, а то самой сделать нет времени...» Представив себе мысленно *тортик*, сделанный соседкой, Ирина сняла последние 3 руб. 15 коп. с книжки и отправилась за покупкой.

И В ЭТО ВРЕМЯ ...

В это время моя Таня ехала в автобусе на очередные соревнования по лыжному ориентированию. На ней была симпатичная вязаная шапочка, очаровательный шарфик и пара чудных лыжиков. Ну, вы знаете мою Таню! Когда ей хорошо, когда она едет на горячо любимые соревнования вся в предчувствии праздника, на неё нельзя не смотреть с улыбкой. Она заряжает и заражает своим счастьем всех, кто в этот момент находится рядом. Судьбе угодно было свести на одно сиденье сияющую от внутреннего восторга Таню и унылую замёрзшую Ароян, едущую *за тортиком.* Ирина долго сидела, косясь на шарфик, с завистью взирая на лыжики, завидуя чужому счастью. Наконец решилась. Прекрасно зная, где, на какой остановке выходить, Ароян тихонько спросила Таню, мол, не подскажите ли вы, какая следующая остановка, как пройти в кулинарию, зачем вам столько лыж, где тут какой-нибудь кинотеатр, сколько жителей в нашем городе и какая сейчас на дворе погода? В ответ моя Таня развернулась всем корпусом, душой и лыжами в сторону такого милого существа и ответила, что в соревнованиях по ориентированию главное – это взять правильно азимут, что Новый год мы справляли у Огородникова, что КСП готовится к зимнему слёту туристов, что муж у неё неплохо поёт бардовские песни, телефона у нас нет, а живём мы на улице Солнечной по такому-то адресу. Как видите, полное взаимопонимание!

Выйти просто так вместе с Таней из этого автобуса было невозможно – тортик! Примчаться к ней вечером – в тот же день, чего Ароян желала больше всего на свете, не позволяли приличия (что скажет княгиня Марья Алексевна![3]). Выждав три дня, необходимые для *отстоя пены*, Ирина пришла по заветному адресу. Тут-то я их и застукал, сидящих друг против друга, смотревших друг на друга влюблёнными глазами и поющих Окуджаву.

Ирина Валерьевна Ароян мгновенно вписалась в Клуб так, как будто была в нём всегда, и как-то сразу всем стала необходимой. Она привела в него, точнее вернула, **Николая Николаевича Воронцова** – преподавателя математики, пианиста и знатока классической поэзии 15-18 веков. Воронцова нашла Танзиля ещё зимой 1980 года, тогда он показал нам несколько песен на стихи Эдгара По и Р.Л.Стивенсона. Написаны они были для фоно, но он сделал переложения и для гитары, хотя сам на ней не играл. Песни тогда были для нас сложноваты, и Коля потерялся на 4 года. За это время он успел закончить какую-то аспирантуру, написать целый цикл новых песен и выучиться играть на флейте. Последнее обстоятельство для Ароян стало определяющим. Ирина вдруг осознала, что она просто обязана выучиться играть на таком нужном инструменте. Сняв со сберкнижки последние 7 рублей[4] она сделала это приобретение, и ровно через три дня уже наигрывала простенькую мелодию. Оставались сущие пустяки – подобрать под эту мелодию какую-нибудь песенку и спеть её

---

1 Крылатое выражение, приписываемое тогдашнему ректору СДИ. На встрече двух преподавательских коллективов за круглым столом, он отметил, что сама История, расположила их институты, по двум разным берегам великой и могучей реки Поганки – СДИ в Припоганье, а УКПИ в Запоганье. Поэтому два крутых института должны крепить свои и без того уже более чем...

Для зарубежного Читателя сообщу, что Комендантка – официальное название этой реки в самой широкой своей части простирается аж на 1,5 метра с гаком. Зато пересекает весь город. (07.04.95)

2 Есть такое слово! Неверующих отсылаю к книге Юрия Коваля «Суер-Выер», издательство «Вагриус», 2001 г, глава «Остров золотого вна».

3 Из Грибоедова А.С.

4 Как-то раз Автору довелось заглянуть в Ароянскую сберкнижку. Более увлекательного чтения я не испытывал! Она ходила в сберкассу до четырёх раз в день! Она могла положить на книжку, например, 12=50, затем в тот же день снять 5=30, потом 4=29 и снова положить 2=40! (видимо сдачу).

на каком-нибудь концерте. И то и другое удалось сделать в самое ближайшее время на зимнем слете туристов. К Арояниной импровизации на флейте больше всего подошла «Любви моей ты боялся зря» Новеллы Матвеевой. С тех пор в КСП началась настоящая флейтомания. На флейте стали играть все кому не лень[5]. Кроме Коли Воронцова и Ароян стали «на дудке фигачить по дырочкам[6]» Миша Огородников, Танзиля, **Саша Антропов**[7] – молодой паренек, недавно появившийся в Клубе, и Автор этого замечательного произведения, которое, надеюсь, займёт достойное место в мире большой литературы. До сих пор Миша в любой поход берёт с собой флейту и весьма недурно подыгрывает всякие песенки. Остальные это дело забросили.

К слову сказать, упомянутый турслёт стал последним путним слётом. После него слёты как-то измельчали, что ли, а затем и вовсе прекратились. Но Ароян к этому процессу не имела абсолютно никакого отношения. Напротив, она приняла весьма деятельное участие в подготовке послеконкурсной чайханы. Дело в том, что внезапно выяснилось, что и у меня, и у Тани, и у **Ложникова Андрея** дни рождения почти что совпадают во времени: у него – третьего февраля, у меня – четвертого, а у Тани и у Юры Болденкова – девятого. Андрей, оказывается постоянно и самым бессовестным образом пользовался этим обстоятельством: именно от него зависела дата проведения зимних слётов, и как-то так всегда выходило, что после трудного субботнего слётовского дня, весь «Искатель» шёл отмечать к Ложникову это событие, заодно поздравляя Андрея с очередным днём рождения. Я тогда всего этого не знал, и пригласил своих друзей – и КСП и «Алтай» на *свои* дни рождения, которые мы также собирались отмечать после слёта.

Две недели мы готовились к этим событиям. Главная задача была – накормить весьма приличную ораву голодных туристов. Шоколадно-орехового крема «Snikers» тогда ещё в продаже почему-то не было, а вот водка и мясо уже были. Не поддаётся учёту – сколько мы наделали пельменей. Мы их лепили ежедневно, каждый день по несколько сотен. Самое активное участие в этом процессе приняла Ароян. Именно с её помощью удалось сделать что-то около... Читатель, ты когда-нибудь видел *мешок* пельменей? Он стоял на балконе, когда я припёрся с ночной смены домой. *Они* тоже не спали. Всю ночь они лепили эти дурацкие пельмени. Их было полторы тысячи штук!!!

На концерте вдруг стало выясняться, что во-первых нас приглашает на свой день рождения Ложников, а во-вторых, что половина *наших* гостей не знает куда идти – к Андрею или к нам. Узел разрубили просто – пригласили к себе Андрея с его «Искателем» и продуктами, которые они, разумеется, несли с собой. «Искателя» обещали подумать.

Знаете ли Вы, сколько человек можно усадить в маленькую «хрущевку»? А вот я знаю! Ровно 72 человека! Гостей рассадили вокруг дивана со снятыми лишними частями: спинками, боками, подушками. Сидели на полу. Валере Чечину в тот вечер сильно не повезло: пришлось почистить и порезать ведро лука. Надолго запомнился тот вечер и Юре Сидорову. Ему повезло чуть больше – он нарезал ма-аленькими кружочками два ведра колбасы. В двух вёдрах грелся чай. После каких-то двух часов усиленной готовки, наконец, расселись. Помню, было несколько тесновато. Вдруг – звонок: «Искателя» во главе с Ложниковым приняли наше приглашение и выстроились в очередь перед дверью, заняв каких-нибудь 3 этажа лестничной клетки.

Фото: Автор, А.Ложников, А.Нефёдов

Немая сцена.

Как такое может выдержать хозяйка? И при этом ещё и *выглядеть*! Конечно, помогали, кто чем мог. Гостей провели, пельмени с балкона достали, чай заварили, посуду сполоснули.

Очень интересно ели пельмени Ирина Ароян – убеждённая вегетарианка, на дух не переваривающая «трупнятину», и известный всему свету проглот Запустян. Они честно делили каждый пельмень на равные части: мясо выедал Надкустян, а «корочка» или оболочка от пельменя оставалась Ирине. Уважаемые гости сожрали всё! Всю тысячу с чем-то пельменей! А также ведро лука, два ведра колбасы, 20 литровый бак мойвы, около пяти вёдер чаю, а заодно и все остальные запасы из холодильника. Разошлись часов в 12 следующего дня, когда последний кусок хлеба был вытерт о пустую тарелку.

Так завершилась историческая встреча трёх коллективов: «Зелёной кареты», «Алтая» и «Искателя».

Утром с похмелья Ароян сказала, что говорить «три минус два равно один» некорректно, правильней говорить: «два соотносится с тремя по модулю единица». Умри, ясней не скажешь.

---

5 Об этом периоде Андрей Кратенко писал: «Звуки флейты останавливали прохожих у высокого крыльца общежития (Крылова, 70), и они с любопытством оглядывали негромко поющих ребят.» («Рудный Алтай», 08.06.84)

6 Строка из Г.Жукова

7 Будущий создатель рок-группы Аллергия», когда-то выступавшей в Москве

24. В ГОСТИ К «ФЛАМИНГО», 1984, апрель

Президент целиноградского КСП «**Фламинго**» сдержал своё слово: мы получили приглашение на III областной фестиваль самодеятельной песни, посвящённый 30-летию освоения Целины. Там, в Целинограде кроме детской железной дороги в парке первоцелинников есть единственный в республике Дворец Молодёжи, работающий на принципах хозрасчёта. При Дворце Валера Вейс и Ирина Иванова в 1982 году организовали КСП. Одним из первых его мероприятий была поездка на Баскунчак. Вид летящих розовых фламинго вдохновил КСПешников, и вопрос о названии был не таким болезненным, как у нас. Денег у Дворца – куры не клюют. Они наприглашали друзей из Караганды, Темир-Тау, из Миасса, Новосибирска, Алма-Аты, Петропавловска, и нас. Они сумели изготовить вымпела, отпечатали пригласительные билеты в двух цветах. Весь город в афишах!

С большим трудом нас профинансировал УМЗ. Поехали трое: Чечин, Иванченко и Ваш покорный слуга. Потом выяснилось, что с нами едет Оля Горских, у неё там же соревнования, и, представьте, в те же сроки. Поселили нас в как путёвых, в гостинице. Всё говорило о высоком уровне проведения мероприятий. Нам до такого далековато. Из знаменитостей приглашены *тогда* ещё мало кому известные **Виктор Баранов** (Караганда) и **Ольга Качанова** из Алма-Аты. Фестиваль проходил в два дня с предварительным прослушиванием. На каждом углу распродажа фестивальных сувениров: вымпела, песенники, игрушки с фестивальной символикой, даже конфеты – «Розовый фламинго»! Во время концерта специально обученные люди, искусные художники-моменталисты из местного училища, во время выступления рисовали всех подряд. Впоследствии эти рисунки вкладывались в соответствующие дипломы лауреатов. Прошла также дискуссия в кафе под девизом «О вреде Розенбаума». В то время это был очень актуальный вопрос. Природа не терпит пустоты, и вакуум, оставшийся от Высоцкого, должен быть чем-то и кем-то заполнен. На эстраде появилась масса подражателей, копирующих голос, манеру, темы. Баграмов, Длусский, Джигурда, откровенно переняли хрипы в нужных местах и длинннннноты[1] на согласных. Откуда-то с запада пробивались сквозь кордоны песни Шуфутинского, Гулько и Токарева. Масса серых и безымянных пели под Высоцкого и с КСПешной сцены. Появление на этом фоне Розенбаума произвело эффект разорвавшейся бомбы. У всех ещё на памяти Его голос. Многие Его просто *знали.* И тут ВДРУГ! – Розенбаум, мощно и много запевший. Из любого окна лилась «Гоп-стоп». Сэмэн становился фольклорным героем. В этих песнях слышался чёрный голос воровских малин. Кассеты с записью разошлись по таксистам, их крутили крутые ребята сомнительной социальной ориентации. Нормальных песен не было слышно, как и не было. Официальные средства массовой информации начали кампанию травли. Вслед за ними очень многие клубы предали анафеме его имя. Петь Розенбаума считалось просто неприличным[2]. Интерес подогревался отсутствием хороших записей *хороших* песен. А песни были разные: от «Блокадного вальса» до уже упомянутой «Гоп-стоп!» Мне повезло – первыми я услышал песни «Я люблю возвращаться», «По снегу, летящему с неба», «Серый конь», «Голубица»… С первых аккордов чувствовался Мастер. А блатота шла как совсем не обязательное приложение.

Тем временем дискуссия разгоралась. Что это – что-то новое или всё в той же струе последователей? Хорошо это или плохо? Один за одним выскакивали мальчики и девочки, клеймили гадкого Розенбаума, приводили в пример лучшие образцы авторской песни, убеждали друг друга не петь больше «этих песнев». Всё это зачем-то снималось на видеокамеру, и, наверное, до сих пор пылится где-нибудь в архивах «Фламинго». Понравился **Леня Неверов** из Алма-Аты, просто спевший «Заходите к нам на огонёк» – звучавшую, кстати, в это время в коридоре, и был проклят всем обществом заодно с Розенбаумом. Под конец все страшно устали и каждый выступающий всё пытался *подвести итоги.* Ольга Качанова и Витя Баранов как и положено *мэтрам* слушали всю эту белиберду с достоинством, взяли слово в конце и призвали к спокойствию. Впрочем, особой оригинальностью не отличились и они, начав свои выступления со слов «*Подводя итоги ...*» (дались всем эти итоги!). А в итоге, так ничего и не решив, мы отправились на прослушивание.

Я в один присест завалил своё выступление на *обязаловке*: каждый должен что-то слабать политическое – забыл слова в «Дневнике Тани Савичевой» Витьки Красикова. Поэтому Володинский «Зачем приходил дождь» жюри слушало с готовым мнением. Зато и Игорь и Валера показали уровень. Оба оказались в числе первых: Валера – первый лауреат, Игорь – дипломант. В финале они на бис исполнили знаменитую у нас пародию на «Машину», пригласив поучаствовать и меня. Игорь был просто бесподобен. Мы с Чечиным в кордебалете махали 25 рублёвыми ассигнациями. И на чайхане Усть-Каменогорск был на высоте. Валерка и Ольга Качанова устроили настоящий айтыс – своеобразный перепев «ты мне – я тебе». За его исходом затаив дыхание следили человек сто пятьдесят участников и гостей. Валера, как истый джентльмен уступил первенство даме, хотя ему ничего не стоило продолжать в том же духе. Народ *оценил* его поступок. Он стал героем вечера.

Пока его напрочь не затмил Игорь. Его фенечки про козу, про выпей свой бокал, про слона разили без промаха. На его фоне и мне удалось реабилитироваться. Дуэт лауреатов **Серик Абильдинов** и **Саша Пудель** записали в моём исполнении всего Володина. Песни настолько им понравились, что они поклялись приехать к нам

---

1 Удлинннннёная «н» чтобы слово было длиннннее…

2 Заодно почему-то досталось и Дольскому. Наверное потому, что они друзья. А может быть потому, что Розенбаум на своих подпольных плёнках пару раз упомянул его фамилию.

на ближайший фестиваль, чтобы с ним познакомиться с их автором. Здесь же нашёлся и приятель Вальки – Игорь Люфт.

Всю ночь по Целинограду за нами ходил весь фестиваль с магнитофонами, с криками: Игорь, «Два одиночества»! Игорь, «Машину»! Игорь! ИГОРЬ!! Счастливый Игорь был нужен всем. И каждому он раздавал долю своего счастья. Это была его ночь.

И.Иванченко, Е.Зинин, О.Горских, В.Чечин.

ЦЕЛИНОГРАДСКИЙ ОК ЛКСМ КАЗАХСТАНА
ДВОРЕЦ МОЛОДЕЖИ

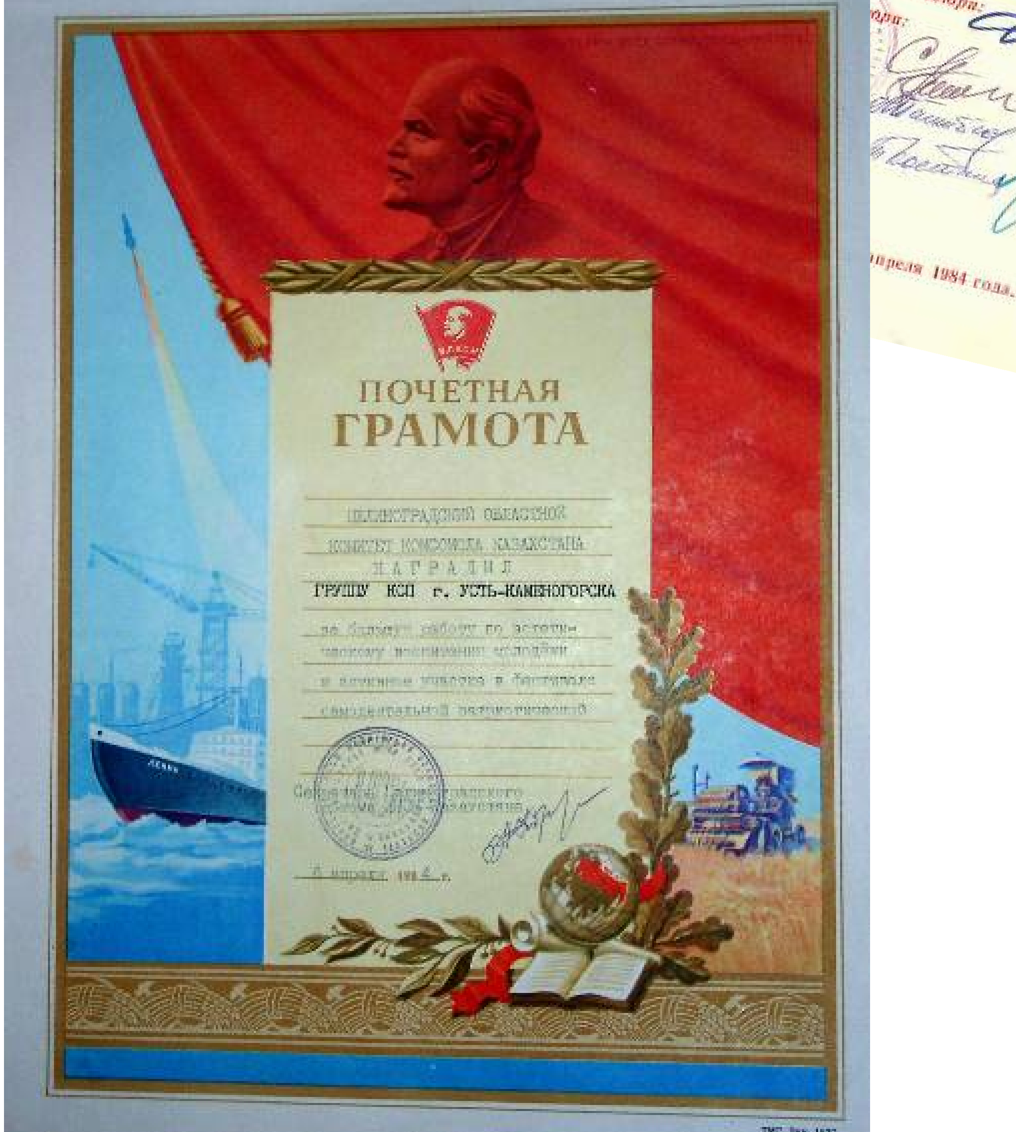
ДИПЛОМ
/ авторский конкурс/

ИВАНЧЕНКО ИГОРЬ /г.Усть-Каменогорск/

Является лауреатом III областного фестиваля самодеятельной патриотической песни, посвященного 30-летию целины.

Председатель жюри:

...апреля 1984 года.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

ЦЕЛИНОГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
КОМИТЕТ КОМСОМОЛА КАЗАХСТАНА
НАГРАДИЛ
ГРУППУ КСП г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА

25. ЕЩЁ ДВА АВТОРСКИХ, 1984, апрель, сентябрь

В этом же году мы провели ещё два авторских вечера, один – давно обещанный – **Кости Серафимова**, и второй – долгожданный – **Игоря Иванченко**. Первый состоялся 15 апреля, сразу после возвращения нас из Целинограда, а Кости – из очередной пещерной экспедиции. Костя поразил слушателей обилием известных песен, авторство которых, оказывается, принадлежало ему. Зал был полон, многие пришли в фирменных куртках. В песнях Кости фигурировала вся география СССР. О её широте говорят сами названия песен: «Азия. Хорезм», «Подольский карьер», «Сумганская баллада», «Прощание с Бзыбью». Спел он и все хиты СЭКС-83, а также широко известные и любимые всеми вещи «Дорога» – песня, написанная на пачке сигарет в 1969 году, «Поисковая» – весьма милая вещичка о постоянных поисках нужных вещей, «Песню кинооператора» – про Лёху Васюкова, и, разумеется – «Пещерных вальс» – пронзительная и очень точная песня о всего лишь одном спуске в 80-метровый колодец Сумгана. Слушая её в очередной раз невольно вспоминаешь *свой*, один только короткий спуск. Действительно, чего только не передумаешь, медленно вращаясь на тонюсенькой верёвке, поскрипывая беседкой. Прекрасный вечер! «Рудный Алтай» с подачи И.Неверовой (кто такая?) поместил вполне приличную заметку о прошедшем концерте.

А вот о концерте Игоря Иванченко и **Игоря Богдановича** никаких заметок не было. Как не было также и никаких афиш. О концерте сообщило «сарафанное радио» и листочек бумажки с объявлением в фойе общежития. За 4 часа до начала концерта В.К*** из любимого ЦДК, несмотря на предварительную договорённость, отказался выставить аппаратуру. Два Игоря буквально вывернулись наизнанку. Они выставили свою самопальную, на свои денюжки купили банджо, за ночь выучились играть на нём (ней?), привлекли к концерту Олю Горских, которая многие песни весьма искусно подыгрывала на ксилофоне, подпевала им.

К сожалению, это был единственный совместный концерт двух Игорей: вскоре после него семья Богдановичей переехала в Ленинград.

26. ПОСЛУШАЙТЕ! 1984, октябрь

Где-то в начале октября, гуляя по своим делам, я вдруг увидел афишу, повествующую о скором визите в наш город **Елены Камбуровой** с обалденным репертуаром: песни Булата Окуджавы, Юлия Михайлова, Сергея Никитина, Новеллы Матвеевой и других. Нам и раньше была известна эта артистка – примерно в 1969 году вышел диск[1] с записью песен на стихи Ю.Левитанского, Г.Поженяна, Ю.Кима и Б.Окуджавы. Музыку ей писали такие замечательные товарищи, как М.Таривердиев, И.Шварц, Ю.Саульский и никому не известная Л.Критская, написавшая удивительные мелодии к стихам «Не поговорили», «Старая азбука» и др. Песни на пластинке были тщательно и со вкусом подобраны одна к другой: прекрасные стихи, замечательная музыка, тонкое исполнение. Многие из них до сих пор на слуху: «Я такое дерево», «Зеркала», а песню «Мари» ныне исполняет какой-то самовлюблённый дяденька, легко парящий по сцене. Короче, назревало событие, сравнимое разве что с визитом Высоцкого в 1968 году. Разумеется срочно был созван «оргкомитет», состоящий из меня и Светы Тюменцевой. В филармонии нам рассказали, когда ожидается прибытие самолёта и в какой гостинице заказаны места. Вечером, 14 октября, мы добыли заветный номер телефона и с ближайшего с Ней автомата названивали в тайной надежде. Елена только что устроилась в номере. Нет, сейчас говорить с нами она не будет, приходите после концерта, завтра.

Концерт превзошёл все ожидания. Это был целый спектакль. Хочется рассказать о каждой песне, но можно ли хоть как-то рассказать хоть какую-либо песню? Каждая вещь была поставлена Ею. Каждая песня была Ей прожита, здесь же, на сцене. «Черёмуха» Ю.Левитанского, цикл песен на стихи А.Ахматовой и М.Цветаевой, цикл на стихи Б.Окуджавы, исторический цикл песен на стихи В.Сосноры, Д.Самойлова и Г.Маслова. Лирический цикл «Любовь и разлука», «Юный гусар» Окуджавы, «Весна», а каков был «Голубчик Петрушка» Юлия Кима! Камбуровой удалось спеть то, что петь совершенно невозможно – поэзию Маяковского! «Хорошее отношение к лошадям», «Скрипка, и немножечко нервно», ну и, конечно, «Послушайте!» – гвоздь любой программы. Елена открыла для нас поэзию Ники Турбиной – маленькой девочки, пишущей удивительные стихи, оказывается, они подруги! О Нике пресса писала года два назад, как о каком-то чуде. Были и сюрпризы – "Город золотой", написанная на старинную музыку Франческо ди Милано. «Старая солдатская песня» была исполнена без сопровождения: единственным инструментом была пластмассовая палочка, которой она отстукивала ритм, ударяя по микрофонному шнуру. Невозможно забыть и песню «Балаганчик» на стихи А.Блока. Аккомпанировали ей два гитариста – некто А.Винницкий и ещё один, не помню кто, и ещё один юноша подыгрывал время от времени на рояле. Концерт должен был пройти в два отделения, для того, чтобы во-первых могли уйти те, кто пришёл случайно, а во-вторых – для того, чтобы те, кто *понял* могли обменяться впечатлениями и немного отдохнуть – репертуар был сложнейший! Но кто не помнит – я могу подсказать, что именно в тот злопамятный год Усть-Каменогорск потерял свой мост[2], лопнувший от мороза. Стоял жуткий холод, в ЦДК народ сидел в шубах, а у неё – сценический костюм, образ! Выйти на второе отделение уж не хватило бы сил. Поэтому перерыва между отделениями не было и из-за этого к концу концерта все страшно устали.

«Потрясённый зритель вышел из зала и долго бродил по ночному городу»[3].

Нет, не угадали, я не был этим зрителем, потому, что вместе со Светой Тюменцевой находился в гримёрной актрисы.

«Камбурова, продрогшая от сквозняка на сцене и мечтающая о тёплом гостиничном номере, тем не менее терпеливо и доброжелательно ведёт диалог с ребятами из клуба самодеятельной песни»[4].

Происходило удивительное: Замёрзшая, синяя от холода Елена Антоновна спокойно, деловито, одного за одним отшивала всех просителей, предлагавших ей ангажементы в партийных и комсомольских аудиториях. Нам же она предложила *задержаться*. В гримёрку, казалось, пёр весь зал. Часа полтора отвечала на идиотские вопросы, принимала цветы. Мелькнули Саша Корниенко (штаб комсомольского актива: – «Нет, выступить не смогу»), Оля Цой («Нет, не знаю, где сейчас Луферов»), какой-то корреспондент («Нет-нет сейчас никаких интервью, у меня здесь есть *свой* корреспондент») и ещё человек двести. После чего согласилась уделить нам минут двадцать. Договорились на завтра о встрече с авторами Клуба. Мы предложили на выбор две квартиры –

---

1 Были выпущены ещё пара пластинок-синглов, а также в 81 году - гибкая вкладная пластиночка в журнале «Клуб и художественная самодеятельность». Одну из песен на этой пластинке - дом при дороге аккомпанирует некто Виктор Луферов.

2 Досадная неточность. Уже первые читатели указали Автору, что мост наш город потерял в 1987 году, или около того. Но всё равно, в тот год было ужасно холодно. Разморозилось 50% подъездного отопления жилых домов. ТЭЦ работала вполсилы. Жители заклеивали окна полиэтиленом, переезжали всей семьёй в одну комнату, запечатав все остальные, обогревались газом, плитками, свечами. Не работали детские дошкольные и школьные учреждения. В городе была официально объявлена чрезвычайная ситуация. (7 April, 1995)

3 «Ленинска смена», 31.10.84, статья С.Лесковского «Послушайте...»

4 Там же.

одну подальше с пианином, другую – поближе с гитарой. Мне повезло – моя квартира оказалась ближе. Сговорились на послезавтра. А также на запись завтрашнего концерта с ихнего пульта, привезённого из Москвы. А Лена Семашко принесла чёрный свитер, вполне подходящий по образу к сценическому. Все остальные концерты Камбурова выступала в нём. После второго концерта нас поджидало некоторое разочарование: Елена отказалась от принесённого мной горячего чая. Нет, она была тронута заботой, сказала, чего, мол, только не предлагали ей зрители, но что ещё ни один не предложил после концерта чай. Но дело в том, что она пьёт только специально заваренный, со своими травами, так что, извините, ребята.

А на следующий день мне пришлось будить Е.А. – отсыпалась после двух дней гастролей. Оказывается, за эти дни она уже успела повстречаться со *своим* корреспондентом (им оказался **Серёжа Лесковский** из «Ленинской Смены»), сняться на местном TV (как всегда вовремя проявила инициативу Вера Лазарева) и побывать ещё на примерно 10-12 обязательных встречах с вождями области. В номере меня ждало разочарование. Вчера подаренные мной розы стояли не на видном месте в графине, а раздёрганные по лепесткам валялись на подоконнике и, похоже, сохли. На немой взгляд, полный укора, напомнила, внимательная, о спецчае, куда лепестки входят обязательным, как бы это сказать, ингредиентом. Тем не менее, набрав полные карманы яблок (с нашей дачи!) и захватив японский магнитофон, быстро спустилась в фойе гостиницы. Два незабываемых вечера провели наши орлы с мировой знаменитостью! Елена старательно записывала на свой чудесный магнитофон *отдельные* песни Чечина, Володина, Иванченко, отвечала на наши вопросы, рассказывала о чём-то своём. Оказывается подобный репертуар можно показать только в таких заштатных городах, как наш родной УКа. В столице или в «северной твердыне» такой номер ни за что не прошёл бы. Специальные товарищи запросто ополовинили бы предложенный перечень песен. Тем более, что весьма многих авторов исполняемых песен Елена просто не называла. Не прозвучала фамилия опального БГ (одного из первых исполнителей «Город золотой»), не назван автор музыки программной «Черёмухи» (*нам* было открыто, что это всё та же Е.Критская, переехавшая в Израиль). Свой репертуар она формирует сама.

– Я бьюсь в узкий коридор, всё лишнее отметаю. Песни мне приносят мои друзья. Много работает для меня Володя Дашкевич, он принёс мне целые циклы песен на стихи Ники Турбиной – удивительная девочка, мы с ней большие подруги, и – на стихи Владимира Маяковского.

– Очень много пою Кима, Окуджаву, Новеллу Матвееву. Ким для меня – целая страна со своими неизведанными континентами. Вы не слышали его песни к спектаклю «Ной»[5]? Да вы что! Он теперь поёт эту поэму! Женя, приходите завтра в номер, Вам нужно обязательно послушать эти песни, а может и переписать на магнитофон.

– Другая огромная страна – Булат Окуджава. Чтобы спеть песню Булата «Любовь и разлука»[6] попросила его разрешить изменить одно слово, – я *так* не могу петь, разрешил, получилось «Не верь ни *року*, ни судьбе». Текст «Старой солдатской» он мне подарил.

– Многие песни мне приносят вот такие же, как вы ребята из клубов. Очень нравятся песни Александра Барьюдина[7] из Баку.

– Некоторые песни годами лежат, дожидаясь своего часа. Несколько лет лежала песня Барьюдина на стихи Новеллы «Река». Года через три как-то внезапно всплыла эта музыка, я уходила от неё, отбрасывала, но она преследовала, не давала покоя, пока её не спела.

– Вы правы, мой пианист – человек случайный, мне его *навязали,* мой репертуар его не трогает, правда играет неплохо. А вот аккомпаниатора **Александра Винницкого**[8] нашла сама в Новосибирске, сразу после того, как ушёл Витя Луферов. С Сашей приятно работать, многие вещи он сам аранжирует, некоторые остались Витины. «Ходят кони» Кима – Сашина работа, а «За цыганами» – Вити.

– Что думаю о Бичевской? Ну, это сложный вопрос. Недавно она вернулась из Франции. Больше ничего про неё не знаю.

– Очень нравится Брель. Спасибо, что напомнили, завтра на концерте обязательно спою его песню[9].

---

5 Запись текста поэмы Юлия Кима «Ной и его сыновья» только что привёз Серёжа Батуев.

6 У Окуджавы песня начинается со слов: «Не верь ни Богу ни судьбе».

7 Через 2 года Барьюдин стал лауреатом I всесоюзного фестиваля в Саратове.

8 Александр Винницкий понравился не только Елене, но и Вере Лазаревой. Через год Саша приезжал в наш город по приглашению TV УКа. А в 1993 году вышла его сольная пластинка.

9 «Вальс тысячи тактов».

Откуда у вас это ужасное фото?? (Показываю диск «Послушайте», выпущенный в Ташкенте). Это же не я!!! Даже стыдно оставлять свой автограф!

– Кстати мой звукорежиссёр – **Вера Евушкина**, бард, я пою несколько её песен.[10]

– Нет, песни ваших ребят хорошие, но они *не мои*. Я пробиваюсь в очень узкий коридор, я же говорила вам, не обижайтесь. Я их покажу своим друзьям, которым они будут интересны.[11]

– Нет, извините меня, что-нибудь спеть *сейчас* я просто не смогу. Я прихожу в зал за 5-6 часов до концерта, я вхожу в образы, распеваюсь, разогреваюсь. Пою без фонограмм, для меня что-либо спеть – это очень напряжённых труд, но я по другому не умею.

Почти полночи продолжались беседы. Напоследок Елена согласилась сфотографироваться с нами. На память я подарил ей большущий кусок титановой губки, тайно вынесенного с ТМК ещё в 76 году. Кусок этот привёл Камбурову в восхищение, она долго разглядывала причудливые изгибы титановых нитей, находила в нём всё новые и новые картинки. Радовалась, как ребёнок! «Никогда такого не видела!» Даже Валькины чёрные турмалины и гранаты с Чечека произвели гораздо меньшее впечатление.

«И ещё подарили самодельного Петрушку. И в этом трогательном и наивном жесте угадывается зритель, способный прислушаться и задуматься.»[12]

Петрушку сделала Таня, а «способный» зритель, оказался муж ея, выскочивший на сцену после «Черёмухи» с охапкой цветов и увидевший на лице артистки настоящие неподдельные слёзы.

– Спасибо, Женя!

Провожали Елену наконец-то спохватившиеся партийные вожди, специально задержавшие самолёт, чтобы дать возможность закончить концерт. Прямо из фойе ЦДК, не переодеваясь, Елена Антоновна прыгнула в чёрную «Волгу» с шестью или семью нулями. Машина развернулась и вроде бы рванув по направлению к аэропорту, вдруг клюнула носом. Открылась дверь, взлохмаченная, в артистическом гриме, вся нараспашку Елена вывалилась из машины, и – не поверите! – подбежала (честно говоря, я и сам в это уже с трудом верю, но это – было!) ко мне, достала из кармана пальто кусок давешней титановой губки и сказала:

– Женя, смотрите, а вот я нашла вот здесь, – видите? – распятие, на нём Христос, вот и нимб на своём месте! А вообще-то всё это не то, я хотела просто сказать спасибо тебе и твоим друзьям, именно из-за таких людей стоило сюда приехать.

На глазах у всего города, *товарищей*, провожавших её, и машущих руками, поцеловала, уселась в упомянутую с нулями и ...

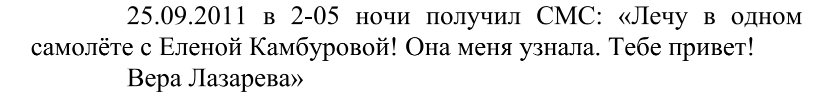
Да-а-а.

Ноги приросли к ступенькам.

Года два ещё ходил под впечатлением. До сих пор в памяти цепко держатся все детали, разговоры, песни. Остались ещё плёнки с записью двух концертов Камбуровой (её после крутили на местном радио), песен Юлия Кима к спектаклю «Ной», памятная надпись на её диске «Добра и света Вам!», и – о чём я узнал только через две недели, когда случайно поставил не ту ленту – концерт Жака Бреля, который она мне тайком записала на свободном месте плёнки с «Ноем»..

Елена Камбурова в студии УКа TV.
Фото С. Смирнова

25.09.2011 в 2-05 ночи получил СМС: «Лечу в одном самолёте с Еленой Камбуровой! Она меня узнала. Тебе привет!

Вера Лазарева»

[10] В третью пластинку Камбуровой включена песня "Ворон" на стихи В.Сосноры, с музыкой Евушкиной.

[11] Из этой затеи ничего не вышло. В городе-герое Алма-Ате, куда Камбурова направилась после УКа, её номер ограбили, вынесли японский магнитофон и все кассеты к нему.

[12] Там же.